

В. М. СУХОДРЕВ

Никита Хрущев

<Фрагменты>

И звездный час, и полное забвение

О Хрущеве написано много. И сегодня его продолжают вспоминать достаточно часто по разным поводам в связи с целой эпохой, в течение которой он находился на вершине власти, — эпохой, начавшейся в марте 1953-го.

Я пришел на работу в МИД уже после исторического поворота в биографии нашей страны. Я имею в виду доклад Хрущева на XX съезде Коммунистической партии Советского Союза, где он развенчал Сталина. Текст этого, считавшегося секретным, доклада зачитывался на закрытых партийно-комсомольских собраниях.

В определенной степени это был звездный час Хрущева. Хотя с позиций сегодняшнего дня можно по-разному относиться к мотивам, которые его побудили проявить такую взрывную инициативу и незаурядную, по крайней мере так тогда казалось, смелость.

А меньше чем через год он одержал новую победу. Изгнав из политической жизни основных своих соперников, бывших соратников самого Сталина — Молотова, Маленкова, Кагановича и человека с самой длинной фамилией, как шутили тогда, — «Примкнувшего к ним шепилова», Хрущев, по сути дела, стал действительно единоличным руководителем страны.

Утвердившись, Хрущев продолжал исповедовать принципы коллективного руководства, постоянно демонстрируя свою открытость, готовность прислушиваться к чужим мнениям, желание советоваться с народом.

То же самое он активно выносил и на международную арену. Частые поездки Хрущева за рубеж открыли его, а вместе с ним и все наше государство, миллионам людей. Советский Союз предстал перед миром в новом облике сверхдержавы — могучей, грозной, но в то же время готовой вести диалог, искать пути к сотрудничеству и договоренностям по самым острым вопросам.

Таким образом, авторитет Хрущева, его престиж возрастали и внутри страны, и за рубежом. Но это, как оказалось, имело и обратную сторону. Сам Хрущев постепенно стал меняться.

Довольно часто находясь рядом с ним, я был невольным свидетелем этого процесса. Он поддавался соблазнам того самого культа личности, против которого на первых порах так яростно боролся. Этому в немалой степени способствовали усилия его окружения, тех людей, которых он привел во власть, наделив всеми благами «королевской свиты». Немалую роль сыграла здесь и могущественная пропагандистская машина, всепроникающий партийный аппарат.

Было заметно, как под влиянием всех этих факторов Хрущев в конечном счете уверовал в свою всесильность, всезнатьство, всемогущество, непогрешимость.

Я наблюдал не раз, как он все больше становился нетерпимым к чужому мнению, как попытки вести какой-то диалог с ним на основе аргументов, убеждения, доказательств постепенно стали пресекаться самим Хрущевым, когда ему не доставало аргументов. Об этом, несомненно, речь еще впереди в моем повествовании.

А закончилось все тем, что именно соратники Хрущева, те, кто, по сути дела, инициировали и создали образ Хрущева-руководителя, Хрущева непогрешимого, сговорившись, в одночасье превратили его в ничто. Причем так, что даже упоминать фамилию Хрущева почти два десятка лет было запрещено. И когда писали историю страны, вспоминая о каких-то достижениях и успехах хрущевского десятилетия, умудрились ни разу не назвать того, кто стоял в эти годы во главе партии, а значит, и государства.

Мысленно окидывая взглядом весь тот период, когда мне часто приходилось в своем профессиональном качестве находиться рядом с Хрущевым, могу сказать, что лично я не испытывал каких-то негативных проявлений его бурного и непредсказуемого характера. Я ощущал, что, может быть, в одном Хрущев не изменял себе: он умел оценить профессиональную работу людей, с которыми общался. И если, по разумению Никиты Сергеевича, человек делал свое дело на профессионально высоком уровне, то и сам он относился к такой работе, а стало быть, и к такому человеку позитивно, по-доброму, уважительно. Никогда, ни разу на меня, например, Хрущев не повысил голоса, не сделал мне никаких замечаний, кроме разве что полушутливых и уж, во всяком случае, необидных. Такое отношение ко мне он сохранил и после ухода в политическое небытие. В своих воспоминаниях, о самом факте появления которых существует целая история, с тайнами и полудетективным сюжетом, Никита Сергеевич считал возможным и меня

упомянуть. Причем с большой теплотой и уважением — за высокий профессионализм и отменные переводческие способности.

В этом разделе, посвященном воспоминаниям о Хрущеве, читатель, разумеется, найдет и такие эпизоды, где Никита Сергеевич предстает в неприглядном виде. Но я все-таки в конечном счете всегда буду вспоминать о Хрущеве-человеке с теплым чувством, с уважением.

«Ожившие портреты»

Впервые я увидел Хрущева в 1956 году, без малого через месяц после поступления на работу в Бюро переводов МИДа. Вначале в мои обязанности входил в основном письменный перевод разных документов, посланий, нот и тому подобного.

Дальше — больше. Мне стали поручать перевод бесед замминистра иностранных дел с послами и другими представителями иностранных государств. Потом пошел в гору — переводил выступления, беседы высших руководителей государства.

После смерти Сталина новая «команда», наверняка под влиянием Хрущева, решила проявлять гораздо большую открытость: руководители страны стали чаще появляться на людях, общаться с иностранцами. И как нередко это у нас бывает, начали перебарщивать. Даже на рядовых приемах в посольствах стали появляться члены Президиума ЦК и другие высокопоставленные лица. В начале зимы, помнится, отмечали национальный праздник Албании. Здание посольства было небольшим, и поэтому прием албанцы решили устроить в гостинице «Метрополь». Через протокольный отдел МИДа к нам, в Бюро переводов, поступила заявка: сколько и каких переводчиков требуется.

Послали и меня. Приехали мы к самому началу приема. Гости постепенно собирались. Вдруг широко раскрылись двери. Вспыхнули софиты. Застрекотали кинокамеры. Все повернулись к входящим в зал.

Никогда не забуду этот момент. В зал входили «ожившие портреты» — люди, которых я с детства привык видеть на полосах газет, на плакатах, висящих на фасадах зданий, во время демонстраций.

Хрущев, Маленков, Каганович, Молотов, Микоян.

Вот они — в трех метрах от меня...

Первое впечатление — все они одинаково невысокого роста. Все сверх нормы упитанны, за исключением, пожалуй, довольно худощавого Микояна. В одинаковых костюмах — темно-серого цвета, белых рубашках и с какими-то незапоминающимися галстуками.

Они прошли в зал, где были накрыты столы.

И началась моя работа. Иностранные дипломаты стремились хоть на короткое время завладеть вниманием кого-нибудь из наших руководителей, завести беседу. Каждый дипломат не просто вел разговор, а «набирал материал», чтобы в тот же вечер отослать шифровку своему руководству, что сегодня, мол, имел беседу с таким-то и он мне сказал то-то и то-то. В те годы открывалось широкое поле деятельности для иностранных дипломатов. В Москве, в прошлом одной из самых закрытых столиц мира, они теперь могли несколько раз в неделю (посольств было много, праздников — еще больше) встретиться и даже побеседовать с высшими руководителями страны. В других государствах приемы в посольствах по случаю национальных праздников из высшего руководства в лучшем случае посещает министр иностранных дел. Обычно приглашают представителей общественности, ученых, деятелей культуры, да и тех приходит гораздо меньше, чем разослано приглашений. Есть даже неписанный закон протокола: если хочешь, чтобы был полный сбор, приглашений надо разослать раза вдвое больше, чем планируется гостей.

Получилось так, что в этот свой первый день мне пришлось сразу же переводить продолжительную беседу Никиты Сергеевича с Поверенным в делах Индии. Индиец был весьма активным дипломатом, очень говорливым, ему надолго удалось завладеть вниманием Хрущева. Впрочем, Хрущев с интересом его слушал, охотно отвечал на вопросы. Был он в хорошем настроении, вел себя раскованно, шутил. Видно, уже привык общаться с иностранными дипломатами. Правда, его юмор показался мне чересчур простецким, как и сама манера вести разговор. В общем, первое впечатление — Хрущев хороший, нормальный мужик. И совсем нестрашно его переводить.

Вот таким было мое боевое крещение.

Что же касается «оживших портретов», то и они мне на том приеме открылись с неожиданной стороны — доступные, улыбочивые, общительные.

Мне было двадцать три года, и я еще способен был идеализировать многое, восхищаться многими. Хотя прошел уже XX съезд партии и содержание доклада Хрущева я знал.

На следующий день — снова прием, на этот раз в посольстве Югославии. И снова я рядом с Хрущевым. Правда, сам прием я плохо помню, как и многие другие приемы, встречи, беседы, на которых мне пришлось присутствовать. Ничего не записывал. В молодые годы не думаешь, что когда-нибудь сядешь писать мемуары...

Встречи с сильными мира сего стали просто работой. Со временем я уже стал почитать за счастье, когда меня не посылали вечером на очередной прием и я мог, как все люди, после рабочего дня идти домой.

На этих довольно частых приемах мне доводилось переводить в беседах с иностранцами Молотову, Маленкову, Кагановичу и моему тогдашнему министру Шепилову. Но недолго. Мenee чем через год все они лишились своих высоких постов.

На одном из приемов — в английском посольстве на Софийской набережной — я был рядом с Маленковым. Он разговаривал с послом Великобритании, и тот поднял бокал за здоровье советского руководителя. Маленков в свою очередь выпил за здоровье посла. Потом они выпили за здоровье королевы. Маленков обернулся ко мне:

— Ну что же, давайте теперь выпьем за ваше здоровье.

«Вот, — подумал я, — какие у нас, однако, человеческие руководители».

А через несколько месяцев Маленкова назначили директором Усть-Каменогорской ГЭС. Перевели на другую работу, так сказать.

Херст-младший и байка о разбойниках

Первая моя по-настоящему сложная работа — телевизионное интервью Никиты Сергеевича Хрущева радиотелевизионной компании «Си-би-эс». По тем временам чрезвычайно ответственное мероприятие. Так получилось, что я попал в кадр, потому что сидел в центре: слева от меня — Хрущев, справа — американцы. Моя задача состояла в том, чтобы переводить с английского на русский вопросы Хрущеву. А Олег Трояновский сидел у микрофона в проеме между двойными дверями кабинета и синхронно переводил ответы Хрущева американцам, которые слушали его через наушники. Таким образом, я делал менее сложную часть работы, но вместе с тем достаточно основательную.

Хрущев всегда придавал огромное значение средствам массовой информации зарубежных стран. Он до конца своих дней был глубоко убежден в том, что пролетариям всех стран действительно необходимо объединиться. А не объединяются они потому, что этому мешают происки империалистов, и до простых людей, до пролетариев, не доходит слово правды. Он был обуреваем идеей донести это слово правды до трудящихся всех стран. И тогда-то они начнут наконец объединяться. Он охотно давал интервью и часами, не жалея времени, беседовал с журналистами. Именно поэтому неизменно ставил условие, чтобы интервью публиковались полностью, без каких-либо сокращений.

Охотников до интервью с Хрущевым из самых читаемых, самых популярных газет и телекомпаний было очень много. И они вынужденно мирились с таким его подходом. Слово Никиты Сергеевича летело на Запад.

Для пользы дела он с легкостью давал обещания журналистам без промедления предоставить переводы полных текстов своих высказываний. Для меня же это означало, как правило, очередную бессонную ночь.

Помню интервью, которое состоялось у Хрущева с Уильямом Херстом-младшим, сыном владельца крупнейшей газетно-издательской империи США «Херст ньюспейперс», легендарной личности, одного из королей средств массовой информации. Я впервые так долго работал — интервью длилось что-то около четырех часов. Хрущев сразу сказал: «Сколько нужно, столько я вам времени и уделю». Херст и два других сопровождавших его журналиста не могли поверить собственному счастью. Но опять же, как всегда, было поставлено условие: публикация интервью полностью, без купюр. Надо сказать, что вопросы формулировались корректно, хотя и остро, и ни один из них не вывел Хрущева из себя. В меру своего понимания Никита Сергеевич на все вопросы давал исчерпывающие ответы. Считая, видимо, про себя, что он просто ведет курс ликбеза с этими «безграмотными капиталистами».

Когда заранее заготовленные вопросы иссякли, журналисты стали выдумывать на ходу самые неожиданные. Помню один — об отношении коммунистов к религии. Вы, мол, коммунисты — атеисты, а как быть тогда со множеством людей во всех странах, которые верят в Бога? Хрущев пустился в рассуждения на эту тему:

«Вот читал я еще в юношеские годы один рассказ. Не помню, правда, чей. И там была изложена такая история. Шел путник по дороге. Его подкараулили разбойники. Двое. Напали на него и убили. Забрали все пожитки путника и ушли. Шли-шли, устали и решили сделать привал, а заодно и посмотреть, что в котомке убитого имеется. Нашли кусок сала. Один вытащил нож и начал это сало резать. Сейчас, думает, закусим. А второй и говорит: "Нельзя сегодня. Сегодня пятница — день постный". Вот вам и вся религия: человека зарезали, а мясное есть не стали — религия-де запрещает».

Он еще долго говорил о религии, вспоминал, сколько людей погибло во времена Крестовых походов. И даже сказал такую фразу, которую я запомнил дословно: «Так что же, и мы должны воевать за один гроб, чтобы множеством гробов устлать мир?!» У него часто проскальзывали подобные образные выражения.

Наконец показавшееся мне бесконечным интервью завершилось, и Хрущев пообещал передать его полный перевод Херсту. Тот, естественно, обрадовался. А я приступил к работе. Сидел всю ночь,

расшифровывал свои записи. Потом в нашем Бюро переводов мы все коллективно переводили на английский текст. На беседе присутствовал тогдашний заведом печатн МИДа Леонид Ильичев. Когда он и Хрущев прочитали расшифрованный текст интервью, то они решили, что надо назвать имя автора рассказа, того самого, о путнике и двух разбойниках.

Хрущев не смог вспомнить ни фамилию автора, ни название рассказа. И тогда было дано задание Институту мировой литературы, Пушкинскому Дому в Ленинграде и, кажется, Союзу писателей по переданному Хрущевым сюжету найти рассказ. Двое суток работали наши институты. Известные литературоведы пытались найти его. И не нашли. Фамилия автора и само произведение остались неизвестны. В данном случае никаких «оргвыводов» не последовало — период был еще «оттепелный». Так никто и не узнал, что за рассказ читал в юности Хрущев. И уж конечно, осталось тайной, читал ли он его вообще.

У нас в гостях Уолтер Липпман

Хрущев обычно отдыхал в Пицунде в августе. Любил это время года. Черное море, вековая сосновая роща, три новые дачи в этом раю — все радовало глаз, все располагало к хорошему отдыху. Но и здесь, можно сказать, покой ему только снился. Приглашал к себе журналистов, встречался с партийными руководителями разных республик и стран. Встречи эти у многих его гостей надолго остались в памяти.

Однажды мы вместе с заведующим отделом печати МИДа Михайлом Харламовым сопровождали к Хрущеву в Пицунду знаменитого американского журналиста Уолтера Липпмана с супругой. К тому времени он был уже весьма пожилым человеком.

Самолетом мы прибыли в Адлер, ночевать предстояло в Сухуми. Те, кто бывал в тех местах, знают, что от Адлера до Сухуми путь немалый. Встречал нас в аэропорту Адлера первый секретарь обкома партии Абхазии М. Бгажба, по-кавказски очень хлебосольный, большой знаток и любитель застолий. Он сразу сообразил: человек приехал из Америки брать интервью у самого Хрущева, значит, надо его принять по высшему разряду.

Липпман был уникальной личностью. Не пойдн он в журналистику, из него мог бы получиться выдающийся политический деятель. К его словам в печати внимательно прислушивались многие серьезные люди, включая самого президента.

И вот едем мы из Адлера. Первая остановка — в Гагре. Заехали в ресторан «Гагрипш». Там нас, оказывается, уже ждали первый

секретарь горкома и другие руководители этого курортного города. И пошло-покатилось кавказское застолье. Липпман был смущен. Как он ни отказывался, хозяева не сбавляли напора, произносили такие слова, что проигнорировать очередной тост не было никакой возможности. Пили за Хрущева, пили за Липпмана, за его жену, родителей, за весь американский народ, за солнце, за море... отказаться не смог бы и менее вежливый гость. Липпман все пытался объяснить, что впереди у него серьезная работа, но его, конечно, никто не слушал.

Часа через два поехали дальше. Но по дороге в Сухуми почему-то остановились в красивейшем ущелье, где расположен ресторан «Эшера». Кто бывал там, видел пацху (плетеный домик), где прямо на углях готовится мамалыга, к потолку подвешено копченое мясо молодого барашка, а из больших глиняных кувшинов наливают ароматное вино «Изабелла». Мягкое, как правило, молодое вино бьет в голову не меньше старого. К тому же наливают его в глиняные конусообразные бокалы, которые не поставишь на стол до тех пор, пока содержимое не будет выпито. Бедный Липпман. Мне было его искренно жаль. Но он держался молодцом.

В Сухуми нас поселили в центральной гостинице. И тут же сказали Липпману, чтобы он отдохнул часа три, а потом — легкий ужин в ресторане «Амра», который находится на пирсе, прямо в море. Липпман уже вяло отнекивался. Только попросил, чтобы ужин был очень легкий. Его заверили, что так и будет. И вот через три часа мы появились в ресторане, где собралась уже вся власть Абхазии. И стол, конечно же, был накрыт по полной программе. Мало того, добавился еще и ансамбль песни и танца. Начался концерт. И снова тосты, снова вино...

В какой-то момент я всерьез испугался за патриарха американской журналистики — выдержит ли его организм — и сказал первому секретарю, что завтра у нас неблизкая дорога в Пицунду, а затем продолжительный разговор с Хрущевым. Лишь после этого Липпмана оставили в покое. Но наутро опять все сначала. Стол снова ломился от яств. Тут уж Липпман не выдержал, запротестовал.

С грехом пополам мы выбрались оттуда и уехали в Пицунду.

Липпман довольно быстро оправился от безудержного гостеприимства, встреча с Хрущевым состоялась.

Хрущев вел себя как радушный хозяин, чувствовалось, что он основательно подготовился к беседе, понимал, какого калибра журналист к нему пожаловал. Липпман, само собой, не обманул этих ожиданий. В детали вдаваться не буду — текст интервью тогда полностью опубликовали в нашей печати. Замечу лишь, что раз-

говор был на редкость серьезным и, я бы сказал, всеобъемлющим, глобальным. Липпман остался доволен и уже с юмором вспоминал о гастрономических излишествах прошедших суток. Хрущев же весело реагировал на рассказ Липпмана о его злоключениях на гостеприимной кавказской земле и, улыбаясь, разводил руками: что поделаешь, такие люди, такие здесь обычаи!

Дрю Пирсон

А через год я сопровождал в Пицунду другого известного американского журналиста, Дрю Пирсона.

В то время я был вынужден уходить в отпуск тогда, когда уезжал в отпуск Хрущев, — обычно в августе. При этом мне следовало оставлять точные координаты своего местонахождения. С легкой руки Уолтера Липпмана я сблизился с первым секретарем обкома Бгажбой и, пользуясь его приглашением, несколько лет подряд отдыхал в Сухуми. Мы с женой жили в пансионате. Ходили на так называемый обкомовский пляж. Благоустроенный, чистый, всегда безлюдный. Известно, что те, кто живут у моря, в нем почти не купаются, и мы на пляже часто бывали одни.

И вот в один прекрасный день — это было в самом конце нашего отпуска — прямо на пляже появился посыльный и сообщил, что мне надо срочно позвонить по спецсвязи в Москву Юрию Жукову — тогдашнему председателю Госкомитета по культурным связям с зарубежными странами. Я быстро собрался, поехал в местный КГБ (именно оттуда был гонец) и позвонил. Жуков сказал, что Никита Сергеевич согласился дать интервью Дрю Пирсону и последний через день-два вылетает в Пицунду, а мне нужно к его приезду быть там.

Я, разумеется, принял указание к исполнению, но смущало одно обстоятельство: как оставить жену в одиночестве в этих южных краях, известных своими темпераментными мужчинами? Я поделился опасениями с Жуковым, и мне показалось, что тот правильно понял меня. Он велел перезвонить через полчаса. Что я и сделал. Жуков сообщил, что по моему поводу у него состоялся «очень важный» разговор с Пицундой. И Хрущев дал команду явиться мне к нему вместе с женой.

В назначенный день и час у подъезда стояла машина и мы отправились в аэропорт, где благополучно встретили Пирсона, а затем прямиком укатали в Пицунду, так что история с Липпманом не повторилась.

Хрущев предложил Пирсону переночевать в одной из своих трех дач. В центральной, с бассейном, жил сам Хрущев, в другой — его

помощники, а третью предоставили Дрю Пирсону с супругой. Мы с женой поселились там же.

Дрю Пирсон после беседы с Хрущевым сразу сел за пишущую машинку и стал выстукивать текст¹. Хрущев, как обычно, выказал желание ознакомиться с текстом интервью. Утром Дрю Пирсон вручил мне его, и я поспешил с ним на дачу, где жили помощники Хрущева — Лебедев, Трояновский и другие. Там, прямо с листа, я продиктовал стенографисткам перевод. Хрущев несколько раз звонил с центральной дачи, торопил меня. Когда текст был готов, помощники кое-что в нем начали править, прояснять высказывания Хрущева по некоторым международным вопросам. Звонки с главной дачи не прекращались. Я сказал:

— Вам-то хорошо, вы сидите и правите, а я должен буду сейчас явиться пред светлы очи. И на меня падет гнев за задержку.

Тем не менее все, что нужно, было исправлено, странички перепечатаны набело. Я схватил текст и помчался на главную дачу.

Хрущев и приехавший к нему Микоян сидели в столовой, пили чай.

Никита Сергеевич, покачив головой, сказал:

— Ну что же так долго-то, Суходрев? Я-то думал, ты — украинец, а оказался турок!

Я понял его интонацию. Наверняка он имел в виду эдакого медлительного, сонного басурманина. А почему украинец — рассказ впереди.

Я отвечаю:

— Хотел кое-что уточнить у помощников.

— А-а, значит, еще и помощнички приложили руку? Ну не могут без этого! — бурчал он, читая интервью. Но тем не менее проделанной работой остался доволен.

Затем с текстом, в который были внесены хрущевские поправки, я отправился к Пирсону. Американский журналист принял их без возражений.

Вечером Пирсон отбыл в хорошем настроении, о чем я и доложил Хрущеву, а сам по его предложению остался еще на одну ночь.

Прогулка в Крым

Утром Хрущев собрался на пляж, предложил мне составить ему компанию. Я, конечно, не отказался. Надо сказать, он очень любил плавать. Несмотря на свое грузное тело, легко и подолгу плавал своеобразным брассом. А если море штормило, перебирался в бассейн.

Пошли мы к морю. Плыдем. Хрущев говорит:

— Слушай, я завтра собираюсь поехать в Крым. Там отдыхает президент Ганы Кваме Нкрума². Давай-ка со мной поедem. А от туда я в Москву. И тебя захвачу. У тебя когда отпуск кончается?

Я отвечаю:

— Послезавтра мне уже надо быть на работе. Да и вещи все я оставил в Сухуми.

— Ну, я думаю, мы Андрея Андреевича уговорим, — заверил меня Хрущев. — Пару деньков добавит. А насчет вещей — дам команду, там все упакуют и привезут.

На том и порешили.

Но, узнав о поездке в Крым, неожиданно взбунтовалась жена: как это, мол, чужие люди будут собирать по всему номеру ее вещички!

Словом, пришлось мне самому нестись в пансионат, в спешке упаковываться и мчаться обратно, в Пицунду.

Хрущев решил отправиться в Крым морским путем. Потому что для него был построен какой-то новый катер, очень быстроходный и мощный, и он хотел его опробовать. Перспектива морской прогулки меня, конечно, обрадовала. Катер роскошный: белоснежный, с удобными каютами, обставленными мягкой мебелью, просторной палубой с шезлонгами и тому подобным.

Хрущев сказал, что до Сочи поедет на машине: по дороге собирается совершить «наезд» на какой-то колхоз, посмотреть новый санаторий. Он очень любил такие «наезды». Так что до Сочи, где была запланирована ночевка, мы плыли без Никиты Сергеевича, вместе с его маленьким внуком Ванечкой.

Хрущеву очень повезло, что не отправился с нами. Только мы вышли за пределы пицундской бухты, как появились белые барашки, а потом пошла сильная волна. Начало укачивать. Катер, сконструированный на базе торпедного, шел на высокой скорости, но это лишь усиливало болтанку. Маленькому Ванечке стало плохо. Как, впрочем, и моей жене. И ничем помочь нельзя было. Когда сошли с катера в Сочи, мои спутники были зеленого цвета.

В порту собралась толпа зевак: такого красивого катера никому не доводилось видеть. Да еще подъехало несколько «Чаек». Тоже невидаль для тех лет.

Мы отправились на сочинскую госдачу. Вскоре туда приехал Никита Сергеевич. Узнав о состоянии внука и моей жены, а также ознакомившись с прогнозом погоды, он решил отказаться от морской прогулки и вызвал спецсамолет. Я получил от адъютантов информацию, что в таком-то часу Никита Сергеевич ждет всех на ужин. Жена моя сказала, что даже думать о еде не может.

Вдруг через несколько минут раздается стук в дверь и входит Никита Сергеевич.

— Ну, где тут наша морячка? — спрашивает, улыбаясь.

— Никита Сергеевич, по-моему, я умираю, — отвечает моя жена.

Хрущев еще веселее:

— Ничего подобного. Считайте, что я вам даю приказ — подняться и через десять минут быть за столом. Обещаю, что все будет хорошо. Рюмочка коньяка с лимоном — и все образуется, вы меня еще благодарить будете.

Знаете, подействовало. Жена привела себя в порядок, поднялась, выполнила приказ насчет рюмочки с лимоном — и все как рукой сняло.

Да, действительно, такое не забывается: стук в дверь — входит Никита Сергеевич, приветливый, заботливый...

На следующий день уже самолетом мы отправились в Крым, в Ялту. Там, в Ореанде, нас поселили на так называемой первой даче. Первая — соответственно для первых лиц государства. Это был большой особняк сталинской архитектуры, пышно обвитый диким виноградом. Построили его давно. Сталин здесь никогда не бывал, потому что вообще не любил жить у моря. Все дачи, предназначавшиеся для него, даже в той же Ялте, как правило, строились в горах. А Хрущев, напротив, очень любил отдыхать именно у моря. Дача была трехэтажной, белокаменной, с несколькими верандами, на которых летом, в хорошую погоду, подавали обед и ужин.

Окна нашей спальни на третьем этаже выходили на небольшую террасу-солярий, где по утрам Хрущев вместе со своим инструктором делал зарядку. Ходил, приседал... Прямо как в санатории. Только что без аккордеона. Было, конечно, забавно смотреть на его фигуру в длинных синих трусах и майке. Никита Сергеевич исправно выполнял упражнения. Нашу дверь и окна прикрывала полупрозрачная сетка от насекомых, и он не замечал, как мы поглядываем на него.

Куда смотрела охрана?

В те дни произошел один курьезный случай.

Когда на даче находился Хрущев, то помимо его личной охраны по всему периметру дачного участка дежурили специальные подразделения охраны из местной службы безопасности. Естественно, все было обнесено стеной, хотя и не очень высокой. Казалось — место неприступное.

У Хрущева был довольно твердый распорядок дня. С самого утра, как я уже говорил, зарядка, потом массаж в пляжном домике, затем морское купание и, наконец, завтрак.

Мне посоветовали ходить купаться, когда Хрущев находится на массаже, потому что сразу после него он купается и немедленно

идет переодеваться и завтракать, а опаздывать к столу не положено. Так поступали и его домочадцы.

Хрущев не любил, когда охрана постоянно торчала перед глазами, говорил, что и без нее все хорошо охраняется, и отсылал подальше от себя. Поэтому, если Никита Сергеевич находился на пляже, телохранители дежурили на расстоянии примерно семидесяти — восьмидесяти метров от него, под навесом.

В тот день все было как обычно. Хрущев после купания направился к дому, шел не спеша. За ним, метрах в десяти, следовал телохранитель. А мы — чуть дальше. Пляж кончился. Началась асфальтовая дорожка. Справа — довольно крутой откос, уходящий вверх метров на тридцать. На нем — кустарник, за которым виднелся каменный забор. И вдруг, я просто оцепенел, сверху, по этому откосу, что-то покатилося. И это «что-то» было человеком. Мужчиной. Он кубарем, поднимая облако пыли, скатился буквально к ногам Хрущева. Поднялся и начал что-то доставать из кармана.

Это был конверт. Мужчина начал что-то торопливо говорить. Я увидел, что Хрущев спокойно стоит и слушает его. Но тут подбежали охранники, схватили мужчину и увели.

Позже, во время завтрака, Хрущев с невозмутимым видом рассказывал об этом инциденте присутствующим. По его словам, тот мужчина просил принять какое-то прошение, но письмо у него Хрущев не взял, потому что тот сделал все не по правилам, не по закону. Оказывается, мужчина этот и с ним еще две женщины приехали откуда-то издалека, сумели перелезть через каменный забор, притаились в кустах и ждали там до утра, пока не появился Хрущев.

Вот вам и хваленая охрана. Вся эта система оказалась легко преодолимой даже для обычных мирных людей. Охране, конечно, тогда крепко досталось. Наверняка были предприняты и какие-то меры по ее усилению.

Кваме Нкрума и совещание на лужайке

Как я уже говорил, в Крыму, в Мухоматке, отдыхал Кваме Нкрума, один из крупных, наряду с Неру, Насером, Сукарно, лидеров Движения неприсоединения³. Он отдыхал с женой и двумя детьми. В эти же дни в Крым были приглашены первые руководители соцстран Восточной Европы. Был запланирован дружеский обед под открытым небом на бывшей даче Сталина, которая находилась на горе. Хрущев хотел провести товарищескую встречу — обмен мнениями, встречу друзей, так сказать. Но прежде он решил повидаться с Кваме Нкрумой.

Отправились мы на пограничном катере вдвоем. Устроились на корме в плетеных креслах. Через полчаса пришли в Мухолатку.

Кваме Нкрума был видным деятелем. Видным не только с точки зрения политического веса, но и физически. Высокого роста, атлетически сложенный, с типично африканскими чертами лица. По-английски говорил прекрасно, это был его второй родной язык. Нкруму сопровождала жена-египтянка, смуглая, но намного светлее, чем он сам. Дети у них получились — глаз не оторвать: кожа цвета кофе с молоком, красивые, хорошо воспитанные, приветливые, раскованные. Маленького сына звали Гамаль — в честь Насера.

У политиков произошел весьма обстоятельный разговор. Никита Сергеевич говорил о том, какими ему видятся задачи Движения неприсоединения. Вскоре должна была состояться встреча в верхах представителей этого Движения⁴, и он надеялся, что Нкрума донесет его мысли до остальных участников форума. Кваме Нкрума сказал, что мысли Хрущева кажутся ему очень ценными, и пожелал получить основные положения высказываний Хрущева в письменном виде на английском языке. Тот с готовностью пообещал, что все будет сделано, при этом указал на меня.

Несколько забегаая вперед, отмечу, что политическая карьера Нкрумы была на исходе. Во время его визита в Китай на родине политика произошел военный переворот, и он был свергнут. Остаток жизни он провел в изгнании. По-моему, в Египте, у родственников своей жены⁵.

Однако тогда, в Крыму, этого никто не мог предположить. Хрущев пригласил его на встречу с руководителями братских стран. Нкрума, конечно, был польщен и с благодарностью принял приглашение.

Когда вернулись в Ялту, я засел расшифровывать запись беседы. Но возникла одна чисто техническая проблема: нужна была печатная машинка с латинским шрифтом. Начались поиски. В Крымском обкоме такой машинки не оказалось. В Ялтинском горкоме и горисполкоме тоже. Тогда я вспомнил о вездесущем «Интуристе». И естественно, она там была. Так что Кваме Нкрума хрущевские изречения получил.

На обеде с братскими руководителями я сидел рядом с Кваме Нкрумой и переводил ему все, о чем говорилось.

Собрались высокие гости — Владислав Гомулка, Тодор Живков, Янош Кадар и другие. С нашей стороны присутствовали Хрущев, Микоян, Козлов и Фурцева. Тамадой назначили Микояна, по национальной принадлежности. Анастас Иванович с энтузиазмом принял на себя эту обязанность, произносил тосты с истинным,

кавказским, знанием дела. Затем стали выступать по очереди гости. Почти все говорили по-русски, кроме, пожалуй, Яноша Кадара. Помню, Гомулка в своем выступлении высказывал не совсем стандартные мысли о путях дальнейшего развития социализма. Настолько нетрафаретные, что Хрущев начал проявлять некоторое беспокойство и даже перебивать Гомулку. Называл он его при этом по старой партийной кличке — «Веслав».

Думаю, что мой «клиент» Кваме Нкрума вряд ли разбирался во всех тонкостях данной «политической интриги». Поэтому, когда ближе к концу банкета Микоян, с подачи Хрущева, предложил выступить африканскому гостю, мой сосед, наклонившись ко мне, спросил, о чем же ему следует говорить в такой компании. Я высказал предположение, что присутствующим, наверное, было бы интересно послушать рассказ видного африканского лидера о положении дел в Движении неприсоединения. Нкрума так и поступил. Мне показалось, что со своей задачей он справился. Не знаю, правда, насколько это было интересно собравшимся.

В общем, все говорили свободно, какой-то плюрализм мнений все-таки был.

А весь мир в очередной раз узнал, что и на отдыхе наш лидер не сидит сложа руки, ведет активную борьбу за мир, прогресс и дальнейшее сплочение мировой системы социализма.

К слову сказать, и в брежневскую эпоху продолжалась практика проведения советским вождем в отпускной период «важных встреч» с иностранными деятелями. Но они проходили на индивидуальной основе, и, пожалуй, единственным их итогом были многословные сообщения в нашей печати.

Через день вместе с Хрущевым я улетел домой, в Москву.

Отпуск мой увеличился на пять суток. Я немало поработал, настроение было отличное. Была и малая радость: сэкономили с женой на обратные билеты.

Хрущев в осаде

Я уже говорил, что Хрущев часто встречался с журналистами, любил с ними беседовать. При каких-то острых или, по его мнению, враждебных вопросах мог вспылить, повысить голос. Активно жестикулировал, грозил кулаком. На вопросы, казавшиеся ему доброжелательными, отвечал спокойно, иногда со свойственным ему народным юмором. Все его визиты за рубеж обязательно завершались проведением большой пресс-конференции, на которую съезжались корреспонденты из многих стран. Если их вопросы ему нравились, то нередко ответы на них превращались в много-

словные лекции. Вещал о близком воцарении коммунизма, предрекал, что мы «догоним и перегоним Америку» и тому подобное.

Вспоминается поездка Хрущева в США в 1960 году, проходившая на фоне резкого обострения советско-американских отношений в связи с разведывательным полетом американского самолета-шпиона «U-2» над нашей территорией⁶. Самолет нам удалось сбить над Свердловском, а его пилот Пауэрс предстал перед судом. Разгорелся грандиозный скандал. Президент Эйзенхауэр, который знал лишь в общих чертах о программе разведывательных полетов, взял всю вину на себя и заверил, что больше таких полетов не будет. Однако предстоящий визит Эйзенхауэра в СССР был отменен. Кстати, с нашей стороны были потрачены гигантские средства на организацию его приема — на берегу Байкала выстроили большой особняк, подвели дороги к нему, коммуникации и так далее.

Эйзенхауэр не приехал, а Хрущев решил отправиться в Нью-Йорк, на сессию Генеральной Ассамблеи ООН. Разумеется, желая «в логове врага» высказать всю правду о нашей стране и, конечно же, о том, что он думает о коварстве США и человека, которого еще год назад называл «май френд».

Американские власти, учитывая резкое ухудшение отношений и полагая, что Хрущев будет использовать любую возможность для публичной критики американского руководства, неофициально, я бы сказал, намекали руководителям и владельцам основных средств массовой информации не делать Хрущеву паблисити: не предоставлять ему трибуны для выступлений, не брать у него интервью, освещать его пребывание в стране только в общих чертах.

Это чувствовалось: журналисты не рвались к нему, а всего год назад от них отбоя не было, газеты и телекомпании словно забыли, кто он такой. Хрущев оказался как бы взаперти. Жил он в здании нашего постпредства при ООН, довольно старом особняке в сердце Манхэттена, на Парк-авеню. Но выйти погулять было нельзя по соображениям безопасности. Хрущев метался по комнатам как тигр в клетке.

Однако журналисты все-таки хотели задать свои вопросы Хрущеву и стали появляться у входа в особняк, за полицейскими барьерами, вооруженные блокнотами и фотокамерами, ожидая его выхода из дома.

Как-то Хрущев томился в большом зале, который использовался для обедов и приемов, и увидел через застекленную дверь, ведущую на балкон, этих журналистов. Он подошел к двери и спросил, нельзя ли ему хоть на балкон выйти — воздухом подышать. Охрана без особого энтузиазма разрешила.

Открыли дверь, и Хрущев вышел на балкон. Я, естественно, был рядом с ним.

Журналисты оживились. Объективы моментально нацелились на него. Посыпались вопросы. Хрущев повеселел. Наконец-то появилась аудитория. Он с огромным воодушевлением начал отвечать на вопросы журналистов. Стоя на балконе, вещал, распаляясь все сильнее и сильнее. Прохожие с большим интересом наблюдали за этой необычной сценой. На улице, как обычно, сновали автомобили. Помню, проезжавшие мимо на машинах выкрикивали «Бу-у!», что у американцев означает неодобрение. Никита Сергеевич улыбался, грозил им кулаком и отвечал таким же «буканьем». В общем, началось представление вполне в стиле Хрущева.

Микрофонов в тот день не было, но на следующий журналисты вооружились микрофонами на длинных шестах. Хрущев, нимало не смущаясь, что его не понимают, говорил очень громко, то же самое приходилось делать мне. В буквальном смысле кричать, чтобы перекрыть шум улицы. Хрущеву это понравилось. И потом каждый раз, когда у него выпадала свободная минута, он, обращаясь ко мне, говорил: «А ну-ка, пойдем, подышим воздухом, если это здесь, в Нью-Йорке, можно назвать воздухом. Заодно и поболтаем с ребятами». Для Никиты Сергеевича балкон стал своеобразной отдушиной в его «заточении».

Все-таки одно интервью, и очень значительное, ему дать удалось.

О вреде рекламных пауз

В те годы в Америке был очень популярен тележурналист и продюсер Дэвид Саскайнд. В США тогда телевизионных каналов было мало, кажется около девяти. И работали они не круглосуточно, как сейчас, а где-то до часу ночи. Так вот, Дэвид Саскайнд вел на канале «Си-би-эс» еженедельную передачу (говоря современным языком, ток-шоу) под названием «Без конца», в ту пору одну из самых рейтинговых на американском телевидении. Она всегда стояла в программе последней и могла длиться ровно столько, на сколько хватало собеседника, практически хоть до утра.

Дэвид Саскайнд брал интервью у крупных политиков, кандидатов в президенты, стриптизерш и полицейских. Короче, это были самые разные люди, которые представляли интерес для зрителей. Саскайнд, несмотря на отношение американских властей к высокому гостю из Москвы, решил пригласить Никиту Сергеевича в студию. Хрущев, конечно, охотно согласился. Информационный вакуум сильно раздражал его.

В назначенный день мы вместе с членами пресс-группы, куда вошли Ильичев, Аджубей, Сатюков, Жуков, отправились в студию. Легкий грим, микрофончики на лацканы — и интервью началось.

Студия по нашим сегодняшним меркам выглядела скромно. Не было какого-то яркого интерьера, рисунков на стенах, мигающих огоньков и так далее. Действующие лица держались официально. Талантливый Дэвид Саскайн, симпатичный, с длинными выющимися волосами, голубоглазый, не был специалистом по международным делам. Обычно он вел беседу в непринужденной манере, не пользуясь какими-либо шпаргалками. В этот же раз я сразу обратил внимание на то, что перед Саскайном лежит стопка карточек с вопросами. Его сотрудники, видимо, провели предварительную работу: вопросы, подготовленные ими, были очень серьезными, заковыристыми.

С первых же минут беседы проявилась одна неискоренимая черта Хрущева — многословие. Чуть ли не на каждый вопрос он отвечал целой лекцией, с большим количеством примеров, с подробностями, ссылками на историю и на классиков марксизма-ленинизма. Разговор получался не в стиле американской телевизионной беседы — диалога с короткими ответами на короткие вопросы. Ночному зрителю, думаю, было довольно скучно. Дэвид Саскайн как мог пытался вклиниться в этот поток слов, но — безуспешно. Хрущев его сразу же прерывал: «Молодой человек, вы послушайте, послушайте, что я вам скажу, и тогда вы поймете...» — и продолжал дальше.

Периодически Саскайн извинялся: «Мы должны сделать паузу для рекламы». Хрущева заранее предупредили на этот счет, тем не менее он нервничал. Во время очередной такой паузы в студию вошел Аджубей и сказал Хрущеву, что, оказывается, сейчас передают не обычную рекламу — автомобилей, лифчиков или губной помады, а рекламу, связанную с организацией, ежегодно проводящей Неделю поработенных наций. В скобках замечу, что этими «поработенными нациями» американцы считали, помимо прочих, наших восточноевропейских союзников, а также Прибалтийские и другие республики, входящие в СССР.

Услышав это, Хрущев помрачнел. Я почувствовал, что он внутренне закипает. И понял — будет взрыв. В том, что в вопросах Саскайна он найдет к чему придраться, сомнений у меня не возникало. Тем более что у Саскайна уже начал истощаться запас заранее приготовленных вопросов на карточках и ему приходилось на ходу придумывать новые.

Очень скоро возможность для взрыва представилась. В ответ на какой-то вопрос Хрущев стал долго и нудно излагать совершен-

но очевидные истины о приверженности Советского Союза миру, разоблачать политику Соединенных Штатов. И тут Саскайнд, продолжая свои попытки оживить диалог, спросил буквально следующее: «Когда вы все это говорите, вы не считаете, что лаает на луну?» «Лаять на луну» — известное английское идиоматическое выражение. В русском варианте — «ломиться в открытую дверь». Шел живой эфир. У меня не было ни секунды для того, чтобы вспомнить какой-то более-менее удобоваримый русский эквивалент. И я перевел дословно. Правда, добавил — «как у нас говорят», тем самым давая понять Хрущеву, что «лаять на луну» — идиома. Но тот уже взорвался и набросился на Саскайнда, как тигр на добычу. Никита Сергеевич повысил голос, в нем появились знакомые мне резкие интонации. Стал говорить, что он — глава правительства великой державы, а не собака, которая «приехала сюда лаять», что он прибыл по серьезному поводу, что он представляет великий народ и что он не потерпит, чтобы его оскорбляли перед американскими зрителями. Досталось и бедному Саскайнду: «Вам вообще кто-то тут из профессиональных антисоветчиков подsunул провокационные вопросы. А вы, вместо того чтобы слушать меня, пытаетесь обвинить в том, что я как собака приехал сюда лаять. И вообще, молодой человек, выкиньте вы весь этот мусор из своей головы».

Это был типичный Хрущев. Самораспаляющийся.

Все-таки Саскайнду удалось вставить новый вопрос и успокоить гостя. Хрущев моментально остыл и сказал: «Ну вот это другое дело. Это я вам сейчас объясню...»

И передача уже в нормальном тоне начала подходить к концу.

Вот и конец. Все поднялись. Я с облегчением стал отцеплять микрофон от лацкана. Саскайнд, прощаясь со зрителями, выразил надежду, что наши страны непременно найдут общий язык.

И вдруг Хрущев вновь сел на свое место и заговорил. После завершающей фразы ведущего опять начал читать лекцию.

Я понял, что это будет продолжаться долго, и поспешно прикрепил микрофончик.

Он говорил еще около часа. На самые разные темы. Повторяясь, не замечая отчаяния Саскайнда.

В наших газетах беседа заняла всю первую полосу. Плотным шрифтом.

Это был Хрущев, который, соскучившись по прессе, рвался в бой, искренно стремился раскрыть глаза американцам на нашу страну и на самих себя.

Впоследствии газетчики, обсуждая между собой тот взрыв в эфире, утверждали, что это я своим буквальным переводом спро-

воцировал его. Но так могли говорить только люди, не знающие всей подоплеки: во всем виновата была реклама организации, проводящей Неделю поработенных наций. Такой оплеухи Никита Сергеевич снести не мог. И взорвался. Впрочем, мог бы зацепиться и за что-нибудь другое. Дэвид Саскайнд своими вопросами давал ему такую возможность. Однако не его вопросы и не мой буквальный перевод вывели Хрущева из себя.

Как я уже отмечал, ток-шоу «Без конца» Дэвида Саскайнда имело очень высокий рейтинг. И потому его охотно спонсировали, причем деньги давали самые крупные компании. В рекламных целях, естественно. А в данном случае, учитывая ту неприязнь, которую инициировал по отношению к Хрущеву официальный Вашингтон, фактически все эти компании сняли с эфира свои рекламные ролики — автомобилей, косметики и прочего. Но так как передача все равно должна была кем-то финансироваться — телевидение иначе и не может работать, кстати и у нас сегодня то же самое, — телекомпания, а не лично Дэвид, была вынуждена принять услуги спонсоров, согласившихся оказать поддержку передаче в тот момент. И вот одним из таких спонсоров выступила организация, ежегодно проводившая акции в рамках Недели поработенных наций. Поэтому конкретно Саскайнда никак нельзя было винить, он не являлся хозяином телекомпании и сам не волен был распоряжаться рекламными вставками.

Хотя, должен сказать, к самому Саскайнду, когда передача уже закончилась, Хрущев лично зла не имел и остался вполне дружелюбен.

На следующий год Саскайнд мне позвонил, и с той поры мы с ним не переставали быть по-настоящему добрыми друзьями, до самой его смерти в 80-х годах. Когда я приезжал в Нью-Йорк, мы обязательно встречались, он приглашал меня к себе. Из года в год я наблюдал, как растет его дочь Саманта, привозил ей в национальных одеяниях народов советских республик кукол, которые, даже будучи взрослой, она хранила как самый дорогой сувенир. В начале 90-х, когда я работал в Нью-Йорке, мы с женой были гостями на свадьбе дочери Дэвида.

А вот завершающий штрих к этой истории: каждый год, получая очередную куклу, маленькая Саманта приносила ее в школу, и учительница тут же поручала ей подготовить коротенькую «лекцию» о тех странах (читай: «советских республиках»), где люди носят такие одежды.

Лорд Томпсон на целине

Последнее большое интервью Хрущев дал западному журналисту в августе 1964 года, незадолго до того, как покинул пост первого секретаря ЦК КПСС.

Среди многочисленных просьб об интервью, накапливавшихся в отделе печати МИДа и в секретариате самого Хрущева, была просьба и от лорда Томпсона, владельца старейшей английской газеты «Таймс».

В 1964 году исполнялось десять лет с начала освоения целинных и залежных земель в Северном Казахстане. Никита Сергеевич, собираясь на целину, которая, как известно, была его любимым детищем, решил пригласить туда и Томпсона, чтобы дать там ему интервью, так сказать, на фоне поспевающего богатого урожая.

Томпсон по профессии не был журналистом, и хотя, разумеется, сам мог составить вопросы, он все же прихватил с собой одного из пишущих газетчиков, для того чтобы затем тот подготовил текст интервью. С нашей стороны Томпсона сопровождали Алексей Аджубей, главный редактор «Правды» Павел Сатюков и заведомо печати МИДа Михаил Харламов.

После довольно долгого перелета мы приземлились в Целинограде. А оттуда по железной дороге поехали к месту условленной встречи с Хрущевым, который совершал поездку по Целиноградской области на специальном поезде.

На станцию мы прибыли к ночи. Ждать долго не пришлось: в назначенное время подошел небольшой, из шести вагонов, поезд, и мы пересели в него. Окна в вагонах были темными — пассажиры спали.

Утром нас разбудили и сообщили, что весь день Хрущев вместе с нами будет разъезжать по полям, а потом мы все вернемся в поезд и тогда Никита Сергеевич даст интервью лорду Томпсону.

Вскоре поезд остановился. Как мне показалось, прямо посреди поля. Это был переезд: железнодорожное полотно пересекала грунтовая дорога. Из последнего, товарного, вагона выкатилась большая открытая «Чайка», которая возглавила выстроенную колонну машин. Появился Хрущев. С ним был Кунаев, другие казахские руководители. У переезда, как это водится, Хрущеву поднесли хлеб-соль, а дети подарили цветы. Одна девочка сказала: «Здравствуйте, Никита Сергеевич. А нам тоже десять». Это были дети, родившиеся в первый год освоения целины. Конечно, Хрущев растрогался.

Поздоровавшись, Хрущев предложил лорду Томпсону и мне сесть в его «Чайку». Сам сел впереди, а мы сзади.

В течение многих часов мы колесили по дорогам поднятой целины. Зрелище впечатляющее. Вокруг не было видно ни деревень, ни лесов, а только, будто океан, расстилались сплошные поля пшеницы. До самого края, до горизонта, в любую сторону, куда ни посмотри. По пути в нашу машину подсаживался директор совхоза, на территории которого мы оказывались. Этого директора сменял другой, затем следующий. Так и следовали — от совхоза к совхозу, от директора к директору. Все снималось на киноплёнку, а журналисты собирали информацию.

Хрущев частенько просил остановиться. Выходил, лушил на ладони пару колосков, расспрашивал очередного директора, попадавшихся на пути бригадиров, давал какие-то указания. Он был уверен, что хорошо разбирается в вопросах сельского хозяйства.

Лорду Томпсону было тогда под семьдесят. Типичный британский интеллигент, в чисто английском деловом темном костюме-тройке в полоску, в роговых очках с невероятно толстыми стеклами, он казался инопланетянином в этой абсолютно чуждой ему среде. Особенно когда Хрущев приглашал его выйти из машины и помять в руках колоски.

Это был период, когда Хрущев взялся за севообороты — с помощью своих «специалистов» повел наступление на пары. Доказывал, что не нужно давать земле отдыхать. И поначалу, когда стали действовать по новому методу, кое-где урожай вроде бы действительно вырос. Хрущев пребывал в отличном настроении. Сияя от удовольствия, он то и дело оборачивался к Томпсону и рассказывал ему об этом.

На границе очередного совхоза к машине Хрущева подошла высокого роста женщина лет пятидесяти. Фамилия ее была Гуревич. Как выяснилось, она, выпускница Ленинградского сельскохозяйственного института, уже десять лет работала на целине, возглавляла один из крупнейших совхозов, где под ее началом трудились чуть ли не десять тысяч мужиков. Хрущев очень обрадовался, когда услышал все это. Тут же обратился ко мне: «Ты перевел лорду, какие у нас есть женщины?» Вот, дескать, какая — десять тысяч мужиков в кулаке держит! И при этом один из лучших директоров по всем показателям.

Гуревич села в нашу машину, и мы продолжили путь. Она рассказывала о достижениях своего совхоза, без запинки сыпала цифрами. Хрущев улыбался. Горделиво поглядывал на гостя, которому я переводил. Все шло замечательно. Ну что еще может убедить капиталиста-газетчика? Все — и урожай хороший, и с животноводством в порядке, и люди живут все лучше и лучше, и даже равноправие женщин налицо! Едем дальше. И вдруг Хру-

щев становится мрачнее тучи. Кончилось одно поле — началось другое. И на нем ни колоска пшеницы. Одна трава. Тут даже у меня сердце екнуло. Уж совсем я не специалист, а чувствую — пары...

Хрущев дал команду остановить машину. Обратился к Гуревич:

— А это что такое?

Та отвечает:

— Пары, Никита Сергеевич.

Хрущев помрачнел еще больше:

— Какие пары? Вы что, не читаете решений, которые мы принимаем?

Гуревич все так же спокойно отвечает:

— Никита Сергеевич, я из года в год первое место держу по всему району.

Но разве его возьмешь таким аргументом?

— Так если бы у вас не было этих паров, то урожай бы еще возрос, — напирал он.

— А мы считаем, что нам пары нужны, — ничуть не тушуясь перед первым лицом государства, отвечала Гуревич.

Поездка Хрущева должна была завершиться в Целинограде большим совещанием в новом Дворце целинников.

— Ну ладно, — мрачно заключил Хрущев, — на совещании поговорим и об этом.

Я почувствовал, что его тон не предвещает ничего хорошего для Гуревич. А та была по-прежнему совершенно спокойна. Она знала, что за ней — огромный урожай зерна, первенство в районе по всем показателям, и отстаивала свою правоту. Томпсон, которому я переводил этот диалог, с большим интересом слушал.

Наконец злополучное поле под парами проехали. Снова океан пшеницы, снова бескрайние золотые поля. Хрущев опять повеселел.

Подъехали к полевому стану. Там раскинули огромный шатер, под которым уже были накрыты столы. Запомнилось, что во время застолья Кунаев представил в качестве свидетельства дружбы народов блюдо, придуманное на целине, — бешбармак из конины и свинины. Вот, мол: казахи стали есть свинину, а русские — конину.

Хрущев не очень долго побыл за столом, поспешил в обратный путь — к поезду. Там, в вагоне, Томпсон взял у него интервью и пообещал, что к утру уже в готовом виде представит его Хрущеву.

Я сказал Никите Сергеевичу, что вряд ли успею до начала совещания перевести текст на русский в письменном виде. Он ответил: «Ничего, ты же сможешь перевести его мне устно». На том и порешили.

Томпсон, поблагодарив Хрущева, ушел к себе в купе. А мне Никита Сергеевич предложил остаться. Остался и председатель Комитета по заготовкам сельскохозяйственных продуктов⁷, не помню сейчас его фамилию. Хрущев стал довольно сердито говорить о парах, которые ему удалось обнаружить на землях Гуревич. И надо отдать должное председателю Комитета: он начал не то чтобы спорить, но вежливо возражать Хрущеву, оправдывая Гуревич. По сути дела, он защищал пары, оперируя убедительными доводами в пользу того, что с использованием паров урожай в среднегодовом измерении будет стабильнее и выше. Приводил примеры из практики Канады и Америки. Хрущев сначала возражал. Тоже в доказательство приводил факты. Потом ему стало их не хватать. И кончилось тем (к тому времени это уже было характерно для Хрущева), что он хлопнул ладонью по столу и резко сказал:

— Ну все. Хватит разговоров. Будет так, как мы решили!

Сказал как отрезал.

К вечеру мы были в Целинограде. Там нас поместили в один из обкомовских гостевых домиков. Томпсон и его журналист работали всю ночь и к утру подготовили текст. Взяв его, я поехал в особняк, где ночевал Хрущев. Он завтракал в одиночестве. Усадил меня напротив себя, предложил составить ему компанию. Сидим, едим, разговариваем. Он спрашивает:

— Ну а как тебе-то целина?

В самых восторженных тонах, совершенно искренно, я высказал свои впечатления. Упомянул директора совхоза Гуревич. Вот, мол, какие женщины у нас, Никита Сергеевич, — вроде бы из Ленинграда, а смотрите, как она здесь освоилась, командует, действительно мужиков в руках держит. Хрущев вздохнул:

— Да, все верно... Но ты понимаешь — неграмотная. Просто неграмотная. Отсталый человек.

Он сказал это с сожалением, даже с болью. Чувствовалось, что он на самом деле считает Гуревич отсталой и неграмотной, неспособной поспеть за его новациями.

Потом я перевел ему текст интервью. Он его одобрил. Мы попрощались, и я уехал.

Был конец лета 1964 года. Хрущев выглядел крепким, бодрым и очень энергичным. И кто бы мог подумать, что через каких-нибудь два месяца его «верные» соратники напишут в официальном сообщении о Пленуме ЦК, что этот человек освобожден от всех занимаемых должностей в связи с преклонным возрастом и ухудшением состояния здоровья.

Лицом к лицу с Америкой

О том, какое значение Хрущев придавал встречам и беседам с представителями средств массовой информации, особенно зарубежных стран, написано выше. Для него, повторяю, это было прежде всего способом непосредственно обратиться к широкой общественности, а точнее, в его понимании, — к многомиллионным «массам трудового народа» с целью открыть им глаза на «великие истины», которые он провозглашал.

Однако был у Никиты Сергеевича и другой конек. Он искренне выступал за нормализацию, улучшение отношений между Востоком и Западом. Отсюда его приверженность к провозглашенной им же политике мирного сосуществования государств с различным политическим и общественным строем, хотя данному основополагающему принципу он тоже придавал несколько своеобразное значение (об этом чуть ниже). Во внешнеполитическом плане, преследуя эту цель развития отношений с зарубежными государствами, он во главу угла ставил личные контакты с их руководителями. Хрущев не устал повторять своим иностранным коллегам — лидерам других стран: «Лучше всего по всем спорным вопросам могут договориться именно руководители государств. А уж если они не договорятся, то как можно ожидать, что проблемы разрешат люди менее высокого ранга...» При этом он имел в виду, а зачастую прямо говорил собеседникам, что от чиновников, включая министров иностранных дел, этого ожидать не приходится.

Надо сказать, что Хрущев нисколько не задумывался о том, в какое положение подобными словами он ставит министров, в том числе и нашего — Андрея Андреевича Громыко. Такие воззрения советского лидера привели к тому, что начиная со второй половины 50-х годов не проходило и недели, чтобы в Москве не появился очередной высокий гость. И сам Хрущев стал довольно часто отпрашиваться в поездки за рубеж, которые сегодня считались бы чрезмерными по длительности.

Мне довелось участвовать во многих поездках Хрущева за границу. Но, пожалуй, ярче всего черты его личности проявились в двух из них — в Соединенные Штаты Америки.

О визите 1959 года написано много. Вышла даже довольно объемная книга «Лицом к лицу с Америкой», созданная коллективом авторов. В их числе были такие поистине талантливые люди, как А. Аджубей, Е. Литовко, В. Матвеев, В. Орлов, а также «верные слуги партии» — Л. Ильичев, Н. Грибачев, Ю. Жуков, помощники Хрущева — А. Шевченко, Г. Шуйский, О. Трояновский, В. Лебедев. Словом, компания серьезная. Участвовал в создании

сборника и главный редактор «Правды» П. Сатюков, который, как говорили, за всю жизнь ничего толкового не написал, а когда что-то и сочинял после поездок за рубеж, то своими творениями вызывал лишь смех у коллег в редакции.

Книгу «Лицом к лицу с Америкой» писали на одной из подмосковных правительственных дач, и я в течение нескольких дней там находился — подбирал для авторов кое-какие материалы из американских газет. Как-то за ужином зашел разговор: сборник скоро будет закончен — надо это событие получить отметить... Кто-то из присутствующих лукаво пошутил: «Мы отметим — и нас отметят — еще выдвинут на Ленинскую премию». В ответ все дружно захохотали, настолько сказанное показалось невероятным. А ведь зря смеялись. Прошло некоторое время, книгу издали. А потом вышло специальное постановление ЦК КПСС и Совета Министров, которым было учреждено ежегодное присуждение Ленинской премии за выдающиеся достижения в области журналистики и публицистики⁸. Многие догадывались, о чем идет речь. Правильно догадывались. Авторам сборника «Лицом к лицу с Америкой» эту премию как раз и вручили. Я, конечно, в число премированных не попал: мое участие уж слишком незначительно. Но один из авторов получил эту высочайшую премию только за то, что подобрал для книги письма, присланные Хрущеву американцами.

По горячим следам той же поездки в Америку вышел еще один увесистый том — сборник «Жить в мире и дружбе!»⁹, содержащий официальные сообщения пресс-группы, все выступления нашего лидера, а также, в зависимости от политической тональности, полные тексты или же изложения в вольном пересказе выступлений американских представителей.

Мне лично, пожалуй, никогда до этого не приходилось участвовать в такой интересной поездке. Я расскажу прежде всего о тех эпизодах, которые подавались у нас в откровенно искаженном виде.

Наш вечный авось

Вспоминая в своих мемуарах о прибытии в Америку, Никита Сергеевич утверждал, что прилетел туда самым первым рейсом нового самолета «Ту-114». Это не совсем так. Первый полет «Ту-114» был совершен в Нью-Йорк несколькими месяцами раньше — на открытие советской национальной выставки «Достижения СССР в области науки, техники и культуры»¹⁰. Я помню этот первый беспосадочный перелет Москва — Нью-Йорк, ибо был его участником.

Делегацию возглавлял Фрол Козлов, второй человек в нашей тогдашней партийной иерархии. Более подробный рассказ о нем

впереди. А сейчас ограничусь лишь его краткой характеристикой: он был типичным партийным функционером со всеми худшими проявлениями этой категории людей.

Вместе с нами летела большая группа технических специалистов Туполевского КБ. На протяжении всего полета они ходили вдоль бортов, отвинчивали внутренние панели, что-то там исследовали с помощью приборов, отнюдь не добавляя спокойствия нам — немногочисленным первым пассажирам. Этим же рейсом летел и сам генеральный конструктор — Андрей Николаевич Туполев, патриарх советского самолетостроения. Он вошел в салон в тот момент, когда стюардесса наполнила стаканчики коньяком. Спросил: «Ну как самолет? Коньяк не разливается?» Мы бодро ответствовали, что нет, мол, все в порядке, хотя, замечу, поверхность жидкости в наших стаканах отнюдь не была гладкой.

Позже мне сказали, что этот самолет вообще не прошел еще тогда полный цикл летных испытаний. И только настойчивость Туполева, вызвавшего лично сопровождать делегацию, подтолкнула высшее руководство дать добро на полет, видимо, полагаясь на извечный российский авось.

Пошли на посадку. Огромный город скрывали черные тучи. Довольно долго мы не могли их пробить. Когда наконец показалась земля, летчик увидел, что мы летим не прямо на полосу, а в сторону. Пришлось снова набирать высоту. Двигатели взревели. Был сделан еще один круг в несколько десятков километров, после чего мы благополучно приземлились. И тут вдруг выяснилось, что у американцев нет трапа нужной высоты. Мы еще минут сорок сидели в самолете, пока наращивали трап. Хрущеву, видимо, рассказали о том, как проходил тот полет. В своих воспоминаниях он тоже говорит о трапе, который якобы оказался коротким, хотя на самом деле к его прилету с трапом уже все было в порядке. Иногда бывает, что услышанное становится собственным воспоминанием, особенно если речь идет об одном и том же событии.

Официальное приглашение посетить Соединенные Штаты Хрущеву было передано через Козлова. Мы жили в здании постпредства при ООН. В последний день пребывания Козлова в Нью-Йорке ему сообщили, что его хотят посетить трое сотрудников Госдепартамента во главе с Фоем Колером, будущим послом США в Москве, а тогда заместителем помощника госсекретаря по европейским делам. Они пришли и передали Козлову в запечатанном конверте личное письмо Хрущеву от Эйзенхауэра, в котором содержалось приглашение посетить США с официальным визитом. Разумеется, они пересказали Козлову содержание письма.

Возле подъезда толпились журналисты, наблюдавшие за всеми входящими и выходящими из дома. Однако ни одна телевизионная компания, ни одна газета не сообщила тогда, что высокопоставленный сотрудник Госдепартамента посетил советскую миссию.

Фрол Козлов был горд, что именно он, а не кто другой повезет Никите Сергеевичу личное письмо от Эйзенхауэра. На все уговоры посла Меньшикова и других дипломатов, что следует немедленно, в соответствии с установленной практикой, вскрыть конверт, перевести текст и отправить по каналам шифровальной связи лично Хрущеву, Козлов тупо упорствовал: «Это я лично вручу Никите Сергеевичу в его кабинете». В результате приглашение было получено Хрущевым с опозданием на сутки.

Первые шаги по Америке

Итак, «затаив дыхание, американцы наблюдают, как огромная сереброкрылая птица идет на посадку... Советские летчики с исключительным мастерством приземляют громадную машину...» Так сообщил ТАСС о прибытии Хрущева в Америку.

Встречал Никиту Сергеевича сам президент Дуайт Эйзенхауэр. Поскольку это был официальный визит, проходил он с самого начала весьма торжественно.

Хрущев впервые встречался с Америкой. Там до него из советских руководителей успел побывать разве что Микоян в 30-е годы. От той поездки в нашей стране осталась память — мороженое-эскиммо на палочке. Именно из США Микоян привез технологию его изготовления.

Поездку запланировали на двенадцать дней. Она включала в себя посещение разных районов Восточного и Западного побережья, а также центра страны.

В зарубежные вояжи Хрущев, отойдя от запрета сталинской поры, почти всегда брал жену. А иногда и других членов своей большой семьи. В этот раз с ним, кроме супруги Нины Петровны, были дочери, Юлия и Рада, и сын Сергей, тогда молодой инженер-конструктор ракетной техники, уже успевший получить звание Героя Соцтруда и Ленинскую премию¹¹.

Если читать отчеты той поры, то создается впечатление, что уже с первых минут пребывания Хрущева в Вашингтоне его приветствовали ликующие толпы американцев. На самом деле это не совсем так. По всему маршруту следования — от военного аэродрома, где приземлился «Ту-114», до официальной резиденции в Блэйрхаусе — стояло много людей, но они были скорее любопытствующими, чем ликующими. Им было интересно по-

смотреть на этого человека — «коммуниста номер один», как его тогда называли в американских газетах. Мы видели перед собой настороженные лица.

Кстати, на всем пути то тут, то там я замечал умело расставленных сотрудников нашего посольства и членов их семей. Те действительно ликовали, размахивая флажками. Общая же атмосфера была поначалу, как я уже сказал, настороженная, выжидательная. Однако потом я с интересом наблюдал, как после каждого из двенадцати дней пребывания Хрущева в США отношение к нему буквально целой страны (а он постоянно, по несколько раз в день, появлялся на телевизионных экранах) менялось на глазах. Так что когда он снова прибыл в Вашингтон в конце своего визита, те же толпы народа встречали его совершенно иначе. Люди улыбались, выкрикивали: «Никита, приезжай еще!» Хрущев сумел за это время влюбить в себя американцев. Талант общения у него был выдающийся.

Обед у Эйзенхауэра

В первый же вечер Эйзенхауэр дал официальный обед. Форма одежды предусматривалась соответствующая — фрак, дополненный белым галстуком-бабочкой. Это, конечно, высший класс протокольной одежды. Все американцы именно так и были одеты. Ну а наши не то что белых, вообще никаких галстуков-бабочек не признавали, а тем более фраков. В смокинг, помню, облачился только посол. Так и определялись на обеде: если при обычном галстуке, в темном костюме, значит — русский, если во фраке с белой бабочкой, значит — американец, а если с черной бабочкой — это официант.

Началось с того, что все собрались в одном из залов Белого дома, выстроившись по ранжиру, в ожидании выхода Хрущева и Эйзенхауэра с супругами. Я оказался рядом со старейшим членом американского конгресса, спикером палаты представителей Сэмом Рейберном, невысоким, округлым, добродушным человеком. Он представился, сунул мне руку и с чисто техасским произношением прошамкал:

— А что, сынок, у вас в России никто не носит вот этого всего?

И показал на свой довольно потертый фрак и бабочку. Я говорю:

— Знаете, это у нас как-то не принято.

— Вот и молодцы. Правильно. Глупости все это. Я всю жизнь вынужден по торжественным случаям все это надевать, а привыкнуть так и не смог.

Тут я обратил внимание, что вместо стоячего воротничка, который положен к фрак, у его рубашки обычный отложной воротник. Он перехватил мой взгляд и сказал:

— А-а, заметили? Это из уважения к моей старости позволено мне носить нормальный воротник. Больше ни у кого такого нет. Только мне можно.

Во время обеда Хрущев выучил, наверное, первые в своей жизни слова на иностранном языке. Он спросил меня, как будет по-английски «мой друг». Я ответил: «Май френд». Хрущев старательно повторил. Потом, когда общался с Эйзенхауэром, постоянно приговаривал — «май френд». Причем произносил он это уж очень по-русски, но Эйзенхауэр его понимал. Он явно симпатизировал своему гостю.

Через год, когда отношения с Америкой вконец испортились, Хрущев любил повторять: «Тоже мне, май френд нашелся! Откуда ты взялся и на хрен мне сдаться?!» Но это — через год... А тогда, в 59-м, — «май френд», и казалось, так будет всегда.

Программа пребывания Хрущева в Америке готовилась заранее и подробно обсуждалась службами протокола и охраны. При этом наши настаивали на том, чтобы Никите Сергеевичу было позволено летать по стране на своем самолете. Американцы не соглашались и говорили, что коль скоро Хрущев их гость, то он должен совершать все перелеты и на их самолетах. Подчеркивалось, что эти самолеты будут из числа специальных, обслуживающих только президента и его команду. Американцы, скорее всего, опасались тогда, что при полетах нашего самолета над территорией Соединенных Штатов мы непременно поддадимся соблазну заняться воздушным шпионажем.

За обедом Эйзенхауэр затронул вопрос перелетов. Хрущев без особого напора говорил, что ему будет удобнее летать на своем самолете, он к нему просто привык. Американский же президент настойчиво заверял, что выделит ему свой, личный, оснащенный всем необходимым, комфортный. Речь шла о новейшем американском «Боинге-707». В конце концов Эйзенхауэр сдался: если Хрущев настаивает, то пусть летает на своем самолете. Он тут же подозвал одного из помощников и довольно сердито сказал: «Я не вижу причин, по которым господин Председатель не мог бы воспользоваться для полетов своим самолетом». Я не знаком со всеми подробностями, но кончилось все-таки тем, что полеты совершались на американских самолетах. Думаю, Хрущев, которому Эйзенхауэр тогда нравился, согласился на условия хозяев. Скорее всего, этот спор вообще спровоцировали службы безопасности.

Казусы перевода

На второй день состоялась встреча с ведущими журналистами США и других стран в Национальном клубе печати в Вашингтоне. Это традиционное мероприятие устраивается практически для всех высокопоставленных гостей, приезжающих в США. Переводчиком там был Олег Трояновский. А я в это время, находясь в гостинице, наблюдал за происходящим по телевизору. На благожелательные вопросы журналистов Хрущев отвечал спокойно, взвешенно и без привычного многословия. Но были вопросы и неприятные, задиристые: о культе личности Сталина, о нашем вторжении в Венгрию в 1956 году, о положении евреев в Советском Союзе и так далее. Вот тут Никита Сергеевич был уже наступателен, подчас излишне резок и, во всяком случае, никому спуска не давал.

В ходе встречи произошел казус, заставивший меня, как профессионала-переводчика, передернуться. Дело в том, что к визиту Хрущева в США был приурочен специальный запуск на Луну советской ракеты, доставившей туда вымпел с изображением нашего герба и указанием даты запуска¹². Хрущев при первой же встрече с президентом торжественно преподнес ему копию вымпела. И вот один из журналистов задал вопрос: «Есть ли у вас планы отправить человека на Луну?» А в переводе прозвучало: «Есть ли у вас планы забросить человека на Луну?»

Слово «забросить» довольно часто мелькало в нашей печати в данном контексте, и, думаю, поэтому Трояновский употребил его.

Но Никита Сергеевич, услышав перевод, возмущился:

— Что значит «забросить»? Вроде как выбросить?

И он, повысив голос, стал распространяться о том, что мы вообще никуда своих людей не забрасываем, потому что высоко ценим человека. И не собираемся никого забрасывать на Луну. Если мы и пошлем туда человека, то лишь тогда, когда будут созданы для этого необходимые технические условия.

Вот что значит одно не очень точно переведенное слово.

Между прочим, на этой же встрече прозвучало пресловутое выражение «Мы вас закопаем в землю», также явившееся результатом неточного перевода. Но подробнее об этом я расскажу ниже.

Нью-йоркские встречи

Следующий день Хрущев встретил в Нью-Йорке.

Город огромный, удивительный, действительно поражающий своими контрастами — от трущоб Нижнего Манхэттена и Гарлема

до огромных небоскребов. Хрущев по-своему был готов к встрече с ним, проинструктирован в духе «Города Желтого Дьявола» Максима Горького¹³.

Нас окружила совершенно необычная жизнь, не замирающая ни днем ни ночью. Жизнь разноликого, разноречивого, вечно куда-то спешащего города, в котором в любое время суток было где и что поесть или выпить. Последнее для советского человека в те годы было чем-то невообразимым.

И здесь случился курьез. Хрущеву предстояло провести в Нью-Йорке две ночи. Запланирован был полный набор мероприятий: завтраки, обеды, посещения Генеральной Ассамблеи ООН, выступления там и прочее.

Поселили нас в знаменитой гостинице «Уолдорф-Астория». Это огромный отель, занимающий в центре Манхэттена целый квартал. Над ним возвышаются две башни. В одной из башен находились президентские апартаменты, кажется на тридцатом этаже. Их и предоставили Хрущеву. По случаю «большого наплыва» русских заработали сразу все восемь лифтов. Мы зашли в одну из кабин. Лифтер нажал кнопку, и лифт стал быстро набирать скорость. Хрущев с интересом оглядывался, рассматривая кнопочки, зеркала, золоченые завитушки на потолке. Вдруг где-то в районе тридцатого этажа лифт остановился. На лицах лифтера, главного администратора гостиницы, американских, да и наших, охранников отразился ужас. А Хрущев улыбается.

— Ну что, — спрашивает, — сломался лифт? Вот вам и хваленая американская техника! Значит, и у вас так бывает?

Администратор бормочет слова извинения, судорожно звонит по телефону... А лифт ни туда ни сюда. Лифтер пытается открыть дверь, нервничает, а Хрущев продолжает веселиться. И при этом успокаивает главного администратора:

— Это же техника, она всегда подвести может.

Прошло минут десять. Наконец лифт медленно подтянули до очередного этажа. Мы покинули его и пошли по лестнице вверх.

Хрущев был доволен, потом на протяжении всей поездки вспоминал этот случай: у них тоже бывает...

Нью-Йорк задал тон дальнейшему пребыванию в Америке. Члены делегации почувствовали себя свободнее, вольготнее, чем в официальном Вашингтоне. Хрущев же оставался в прежнем своем образе. Охотно выступал везде, куда его приглашали, не упускал случая рассказать об успехах СССР. Доставал из кармана текст речи, раскладывал листки перед собой, но потом не заглядывал в них, говорил «от себя». Речь была свободной, иногда грубоватой — американцам нравилась такая манера общения.

Дело в том, что американцам не мог не нравиться Хрущев. Я говорю о простых людях, у которых Хрущев каждый день появлялся дома на телевизионном экране, людях, не разбирающихся в тонкостях дипломатической игры и сложных рассуждениях о мировых проблемах. Но зато они очень хорошо воспринимали прямой, обращенный к ним, разговор, если угодно — уговор, какую-то непосредственную, очень простецкую, доходчивую аргументацию. Чем и был, кстати, силен Хрущев и что было в характере тогдашнего нашего лидера. Американцы, затаив дыхание, прислушивались к каждому его слову, для них это было нечто вроде завлекательного телевизионного шоу, нечто вроде футбольного матча, когда каждую секунду не знаешь, чего ожидать в следующую. Отсюда и растущая популярность. Тем более что, восхваляя советскую систему, он тогда не выступал с какими-то прямыми осуждениями американского образа жизни. Говорил, что каждый должен выбирать сам: «вам, американцам, нравится бифштекс, а нам, русским, — борщ». И такая манера разговора импонировала им.

За столом с «акулами»

Запомнился вечерний обед в Экономическом клубе. Он проходил в большом бальном зале «Уолдорф-Астории» — одном из самых больших залов подобного рода в Нью-Йорке тех лет. Как принято на таких обедах, на возвышении сидели главные гости, остальные — за столиками, расположенными ниже. Перед каждым приглашенным рядом с меню лежал список гостей. Читался он, как справочник «Кто есть кто в американском бизнесе». Это были руководители крупнейших промышленных корпораций, банков, видные финансисты и экономисты. Если посчитать совокупный капитал, принадлежащий им, то уж наверняка он бы на несколько порядков превысил весь американский бюджет.

Гости занимали свои места. Хрущев, перед тем как войти в зал, а он, будучи почетным гостем, должен был это сделать последним, сказал мне, что, пожалуй, стоило бы заглянуть в туалет. Дело обычное. Мы вошли в сияющий белизной, сверкающий зеркалами туалет. Затем, уже покидая это великолепие, он помыл руки и с интересом посмотрел на полотенца. Они лежали на столике двумя высокими стопками, вперемежку — белого и красного цвета. Спросил:

— А что означают эти цвета?

Я ответил, что, скорее всего, — ничего, просто для красоты. Он хмыкнул:

— Угу, придумали. Ну что ж, мы, коммунисты, возьмем красное. — И, приподняв лежащее сверху белое полотенце, вытащил из-под него красное и вытер руки. Потом повернулся ко мне:

— Виктор, ты представляешь себе, в каком обществе мы сегодня находимся? Ведь приедем домой, а нас Шверник из партии погонит. Это же сплошные капиталисты! Акулы!

Но куда денешься — пришлось сидеть за одним столом с «акулами». К слову, Николай Шверник для советских коммунистов был, пожалуй, страшнее любой акулы, поскольку занимал в ЦК пост председателя Комиссии партконтроля¹⁴.

После выступления специального представителя Эйзенхауэра — Генри Кэббота Лоджа, который сопровождал Хрущева во время поездки, Никита Сергеевич, верный себе, пошел в атаку и на Лоджа, и на всю американскую систему. Говорил, например, о том, что миллионы американцев владеют акциями, а вот нашим людям в них нет нужды, так как они без всяких акций имеют все блага.

Примечательно, что сегодня у подавляющей части нашего населения акции так и не появились, зато большинство благ исчезло.

Начались вопросы. Некоторые из них касались ограничения демократии в СССР. Спрашивали, почему глушат «Голос Америки». Этот вопрос, надо сказать, повторялся и на других встречах. Никита Сергеевич отвечал, что не их, американцев, это дело. Советский народ сам решает, что ему слушать. А когда ему говорили: тогда пусть народ выключает приемники, зачем глушить, Хрущев все равно твердил свое: мол, народ учить не надо — выключать или не выключать, — он сам все знает.

«Театр абсурда»

На следующий день Хрущев выступал в ООН на сессии Генеральной Ассамблеи.

В те времена Советский Союз на каждой сессии выступал с очередной инициативой, в нашем дипломатическом обиходе именуемой «главный вопрос». Здесь сказывался в первую очередь конфронтационный подход тех лет: если Восток говорил — «да», то Запад автоматически отвечал — «нет». И наоборот: если США выдвигали какие-либо инициативы, то СССР сразу же их отвергал. Конечно, при поддержке своих союзников. Поэтому в те годы не приходилось ожидать, что в ООН можно о чем-то полезном договориться, и ценность этой организации для Советского Союза определялась прежде всего пропагандистскими возможностями, которые предоставляла трибуна Генассамблеи. Столь же пропагандистские цели преследовали и США со своими союзниками.

Выдвигаемые нами каждый год инициативы звучали громко, но производили впечатление лишь на не искушенных во внешней политике людей. Вот и на этот раз к визиту Хрущева был разработан «главный вопрос». Он представлял собой грандиозную программу «всеобщего и полного разоружения».

Коротко суть программы: за четыре года осуществить всеобщее и полное разоружение государств, уничтожить все виды вооружений, включая ядерное оружие и ракеты, распустить все вооруженные силы, упразднить военные министерства и генеральные штабы, в распоряжении государств оставить лишь небольшие контингенты полиции (милиции), предназначенные для охраны внутреннего порядка и безопасности граждан и вооруженные лишь легким стрелковым оружием.

Полагаю, нет нужды сегодня комментировать всю абсурдность и несбыточность этой «великой» инициативы. А ведь тогда наша программа всеобщего и полного разоружения на многие годы стала краеугольным камнем советской внешней политики.

Хрущев выступал перед огромной аудиторией. Помнится, в зале яблоку негде было упасть. Места, отведенные делегатам, почетным гостям, журналистам, и оба балкона, предназначенные для посетителей, были заполнены.

После выступления Хрущева делегаты вежливо поаплодировали. А вот наши пропагандисты потом всю раздували тезис о том, что такой яркой, незабываемой исторической речи не было за всю историю Организации Объединенных Наций.

Ошарашенным американцам не оставалось ничего иного, как немедленно засесть за работу и через некоторое время противопоставить нашей затее столь же нереальную собственную программу.

Много лет спустя мы с американскими коллегами, пережившими то время, при встречах искренне смеялись, вспоминая тот «театр абсурда»...

На «фабрике грез»

После Нью-Йорка — перелет на другое побережье США. С Атлантического океана — на Тихий. Несколько часов полета на замечательном самолете «Боинг-707» — и мы уже в Лос-Анджелесе. Это — совершенно другая Америка. Мы оказались как будто в другой стране. Иной климат, на улицах — пальмы, иной темп жизни. И главное — здесь Голливуд, знаменитая «фабрика грез». Сразу после прилета американцы, как и было запланировано, повезли Никиту Сергеевича именно туда.

Студия «XX век Фокс» принимала высокого гостя. Она раскинулась на огромной территории. Многочисленные большие павильоны, декорации, оставшиеся от прошлых съемок. В штаб-квартире студии — в большом зале для приемов — состоялся официальный завтрак в честь советского лидера.

Хозяином студии в то время был знаменитый Спирос Скурас, грек по происхождению. По американскому определению он был человеком, который сделал себя сам, из бедного эмигранта превратившись в одного из самых богатых людей Голливуда. Правда, как это часто там бывает, через несколько лет он вылетит из обоймы. Дела пойдут все хуже и хуже, кассовых картин студия будет выпускать из года в год все меньше, и Спироса Скураса отправят на покой. Но в тот, хрущевский, период он был на коне.

Я сидел на возвышении рядом с Хрущевым и смотрел в зал. Глаза мои разбегались: передо мной был весь цвет Голливуда. На этот раз список гостей можно было озаглавить «Кто есть кто в американском кино». На какие-то минуты лица актеров перенесли меня в английское детство, когда по субботам мама водила меня в кино. Я до того любил кино, что едва ли не все свои малые карманные деньги тратил на открытки и журналы с фотографиями звезд экрана. И вот эти лица с открыток и фотографий ожили. Я увидел их воочию. Здесь были Гэри Купер и Элизабет Тейлор, Мэрилин Монро и Гленн Форд, Эдвард Робинсон и Кирк Дуглас...

С основной речью выступил Спирос Скурас. Она прозвучала вполне почтительно. Но все же и он продолжил общую пропагандистскую линию американцев — всячески демонстрировать Хрущеву преимущества американского образа жизни. Скурас напирал на свое происхождение и свои успехи, на то, как он достиг могущества в киномире. Хрущев с интересом слушал, но я сразу почувствовал, что его заранее заготовленная речь, можно сказать, пойдет прахом. А значит, и моя работа переводчика будет сложной. Так оно и случилось.

У Никиты Сергеевича был такой полемический прием — уцепиться за какую-нибудь деталь и обыгрывать ее, к удовольствию слушателей. Что бы ни говорили о его манерах или об их отсутствии, но ораторский талант в нем все признавали.

Так вот... Прежде чем приступить к полемике со Спиросом Скурасом, Хрущев стал обращаться к нему не иначе как «мой брат грек». Сказал, что хотел построить речь несколько по-иному, но «брат грек» заставил его передумать. И тут же объяснил, что Россия получила христианство именно из рук греков. Далее сказал, что это замечательно — греческий мальчик стал таким большим человеком, но у нас все-таки таких людей намного больше.

Скурас подавал реплики, Хрущев ему остроумно отвечал — это было добродушное пикирование.

Скурас спросил:

— А сколько у вас президентов?

Хрущев ответил, что у нас их сотни. И указал в зал, где сидел Николай Александрович Тихонов, будущий Председатель Совета Министров СССР, а тогда председатель Днепропетровского совнархоза.

— Вот — бывший рабочий, а сейчас председатель хозяйства, которое по экономике и финансам равно иной европейской стране. А лично у него ничего нет.

Зал очень живо реагировал, часто все аплодировали, смеялись. Где-то ближе к концу своей речи Хрущев с обидой сказал о том, что его лишили возможности поехать в Диснейленд, хотя посещение парка значилось в программе. (В последний момент эту поездку отменили по соображениям безопасности.)

Хрущев не на шутку обиделся. Он наверняка очень хотел побывать там. Думаю, еще в Москве, когда согласовывалась программа, ему рассказали, что это за парк. А он был азартный человек. И вдруг — нельзя...

Говорили, что шеф местной полиции, решив еще раз проверить маршрут, по которому должны были везти Хрущева, поехал туда и кто-то кинул в его машину помидор. Тогда он и порекомендовал поездку отменить. Хрущев, узнав об этом, под дружный хохот присутствующих высмеял и помидор, и начальника полиции.

— Что у вас там, карантин, что ли, объявили? Холера завелась или чума?

Я чувствовал, это была искренняя обида. Ему так хотелось в Диснейленд, а не пустили.

Канкан

Завтрак у Спираса Скураса закончился, сидевшие за главным столом направились к выходу. Хрущева провожали аплодисментами.

Спирос Скурас пригласил нас в отдельную комнату, чтобы дать возможность остальным гостям занять места в съемочном павильоне. Почему-то с нами оказалась знаменитая красавица Ким Новак. Я почувствовал, что она очень понравилась Хрущеву. Он смотрел на нее с большой симпатией. Скурас это тоже заметил и сказал ей негромко:

— Kiss him!

Я шепнул на ухо Никите Сергеевичу, что Скурас просит Новак поцеловать высокого гостя. Хрущев расплылся в улыбке и ответил:

— А зачем просить? Я ее сам с удовольствием расцелую!

И нежно (да, нежно!) взял ее за плечи и поцеловал в обе щеки. По-моему, Ким Новак была счастлива. Во всяком случае, потом она об этом поцелуе много рассказывала репортерам: меня поцеловал советский премьер, коммунист Хрущев!

Затем мы проследовали в расположенный неподалеку павильон. По дороге туда нам встретился Гэри Купер. Сколько фильмов с его участием я видел! Ну и, конечно, был счастлив, когда он сказал мне несколько одобрительных слов о моем переводе во время завтрака.

Вскоре он посетил нашу страну, и мы случайно встретились в Доме кино. Увидев меня, он подошел, и минут пять мы с ним проговорили, вспоминая встречу в Голливуде. Вокруг толпилась киношная публика, и я то и дело слышал за своей спиной: «А это кто такой?» — естественно, в мой адрес.

Но вернемся в Голливуд.

Хрущеву решили показать, как проходят съемки. Над съемочной площадкой возвели небольшую ложу, и мы разместились в ней.

Снимался кинофильм «Канкан»¹⁵. Декорации изображали парижское кабаре XIX века. Участвовали такие звезды, как Фрэнк Синатра, Луи Журден, легендарный Морис Шевалье. Главную женскую роль исполняла молодая Ширли Маклейн. Это уже потом она стала звездой первой величины, автором нескольких книг и даже заметным общественным деятелем. Именно эта актриса первой и появилась на съемочной площадке. В руках она держала микрофон. На площадке было шумно — осветители передвигали аппаратуру. Ширли топнула ножкой:

— Я прошу полной тишины! Для меня это очень важно!

И стала произносить по-русски довольно длинный текст:

— Надеюсь, мы вам понравимся так же, как нам нравятся ваши артисты...

Началась имитация съемок одного из эпизодов фильма «Канкан». Вышли Фрэнк Синатра и Морис Шевалье, спели песню «Живи и жить давай другим». Услышав перевод названия песни, Хрущев шепнул мне:

— Название очень уместное.

Горели софиты, стрекотали камеры. Затем начался танец, который и дал название фильму, — канкан. Об этом эпизоде потом у нас было много чего написано, главным образом резко негативно, как о чем-то непристойном. Громыко, в то время министр иностранных дел СССР, в своих мемуарах сообщает, что исполняющие канкан были какими-то полураздетыми существами, кривлявшимися и извивавшимися на сцене. Авторы книги «Лицом к лицу с Америкой» тоже углядели в танце нечто постыдное: «...было ясно, что актрисам

стыдно и перед собой, и перед теми, кто видит их. Они танцевали, не понимая, кому и зачем пришлось в голову заставлять их делать это перед Никитой Сергеевичем Хрущевым и перед другими советскими гостями». А ведь это был танец, хорошо известный и советским людям — по многим опереттам. Впрочем, и сегодня наши словари толкуют слово «канкан» по-разному: словарь русского языка — как танец «с нескромными телодвижениями», а энциклопедический — как «французский бальный танец, позднее вошедший в оперетту».

В моей памяти голливудский канкан оставил весьма радужные воспоминания.

Хрущев во время танца никак не выражал своего отношения. По окончании — вежливо поаплодировал. А потом весело и непринужденно разговаривал с артистами: пожимал руки, благодарил. Но на выходе, когда к нему прорвались корреспонденты и стали спрашивать, как ему все это понравилось, он вдруг нахмурился и сказал, что, с его точки зрения и с точки зрения советских людей, это — просто аморально. Правда, он добавил, что зря хороших девушек заставляют делать плохие вещи на потеху пресыщенной, развращенной публике. «В Советском Союзе мы привыкли любоваться лицами актеров, а не их задницами». С этими словами он и покинул Голливуд.

Выпад Хрущева вызвал не только у меня чувство горечи. Ведь в Голливуде его принимали хорошо. Ему радовались, его оценили, живо, по-артистически, реагировали на его незлобивую перепалку со Спиросом Скурасом... И вдруг — обидный выпад против тех, кто так старался ради него. Тем более огорчительный, что именно эти его слова были тут же растиражированы газетами.

В тот день я случайно оказался рядом с Аджубеем. Мы обменялись с ним впечатлениями, он, как и я, был в восторге от Голливуда. А потом сказал:

— Знаешь, я не совсем согласен с Никитой Сергеевичем относительно канкана. Думаю, что у красивой женщины не только лицом можно любоваться...

Я полностью был с ним солидарен. Кстати, когда год спустя мне довелось посмотреть фильм «Канкан», то мои восторги несколько умерились. Фильм оказался посредственным, несмотря на созвездие замечательных актеров. Но тогда, в Америке, не о фильме шла речь, а совсем о другом...

Мать Кузьмы

В связи с отменой поездки в Диснейленд организовали автомобильную экскурсию по Лос-Анджелесу. В безоблачном голубом небе ослепительно сверкало солнце. Мы довольно долго колесили

по улицам города. Наша пресс-группа потом подчеркивала в своих статьях, что власти постоянно и неожиданно меняли маршрут движения. И сразу же следовал вывод, что это, дескать, для того, чтобы помешать американцам приветствовать Хрущева. На самом же деле маршрут менялся из соображений безопасности. История Америки изобилует трагическими случаями покушений, некоторые из них еще у всех на памяти. Так что предосторожность была оправданной. Те же люди, которые попадались нам на пути, весьма дружелюбно провожали взглядами наш кортеж, приветственно махали руками. Хрущев с интересом посматривал направо и налево. И конечно же, заприметил американок, щеголявших в шортах. Для Лос-Анджелеса это совершенно обычное явление.

В машине, в которой ехал Хрущев, как всегда, находился Генри Лодж. Никита Сергеевич повернулся к нему и заметил:

— Интересно тут у вас... Женщины в коротких штанишках. У нас такое не разрешили бы.

Он не разъяснил, кто такие те, которые «не разрешили бы». В советском обществе высшие руководители, а за ними разного рода начальники четко знали, что можно, а чего нельзя «рядовому» жителю страны, особенно молодежи. Причем начальников не смущало, что они — представители другого поколения, другого образования и воспитания. Что носить, что слушать, что читать — они диктовали народу без тени сомнения.

Насмотревшись из окна автомобиля на частные дома Лос-Анджелеса с ухоженными лужайками перед фасадами, с непременно автомобилями, Хрущев опять обратился к Лоджу:

— Да, конечно, все устроено аккуратно, чисто, люди хорошо одеты... Но ничего. Мы еще вам покажем кузькину мать...

Здесь необходимо сделать небольшое отступление. «Кузькина мать» — одно из любимых выражений Хрущева. По-моему, публично в первый раз он употребил его несколькими месяцами раньше в знаменитом «кухонном споре» с тогдашним вице-президентом США Ричардом Никсоном¹⁶. Случилось это при осмотре первой Американской национальной выставки, которая разместилась в московском парке «Сокольники». Выставка произвела сенсацию. Хрущев присутствовал на ее открытии. Одним из экспонатов был образцово-показательный, или, как его называли экскурсоводы — «типичный», дом американца. Он представлял собой как бы дом в разрезе, без двух стен, на одну семью, со спальней, столовой, с гостиной, холлом и другими комнатами, оснащенный по последнему слову техники — телевизор, радиоприемник, кондиционер. Главным же козырем являлась кухня, в которой размещались стиральная и посудомоечная машины, разные авто-

матические приборы. Холодильник ломился от диковинных для наших граждан продуктов, а на полках кухни красовались яркие наборы всякой бытовой химии.

Именно там, среди этого великолепия, разгорелся знаменитый спор. Надо сказать, что я при нем не присутствовал, так как в то время был в Женеве с Громыко на каких-то переговорах. Но суть и детали спора мне известны.

Он начался с довольно мирного разговора о жилье. В тот период у нас в стране возводились известные пятиэтажки, и Хрущев, естественно, старался убедить гостя, что надо строить не отдельные частные дома, а многоквартирные. И все было хорошо, пока Никита Сергеевич не распалился и не пообещал Никсону показать американцам кузькину мать. Мой коллега из Бюро переводов МИДа Юрий Лепанов, сопровождавший в тот день Хрущева, придерживался своего способа перевода идиоматических выражений: сначала все дословно переводил, а затем уже разъяснял. И тогда, на выставке, он сперва перевел — «мы вам покажем мать Кузьмы», а потом пытался объяснить, что это значит, но, кажется, не очень удачно. Да удачно и невозможно было перевести, потому что пресловутая «кузькина мать» в словарях толкуется как выражение грубой угрозы (у В. И. Даля, например: «показать кому кузькину мать — наказать, сделать какое зло»).

Узнав об этой истории, а также обратившись к собственному опыту общения с Хрущевым, я сделал вывод, что Никита Сергеевич вкладывал в это народное выражение совсем другой смысл. Показать кузькину мать — в его понимании — означало показать свою силу, лихость, дать жару.

Как раз в данном смысле я перевел полюбившееся ему выражение во время поездки по Лос-Анджелесу, когда Никита Сергеевич в очередной раз помянул эту самую мать.

Но Хрущев вдруг сказал мне:

— Ну что, Виктор, небось, опять не так с «кузькиной матерью» получилось? А это очень просто. Ты объясни — это значит показать то, чего они никогда не видели.

Оказалось, я был прав: Хрущев действительно вкладывал в известное выражение совсем другой смысл. Так наконец была раскрыта тайна, мучившая переводчиков. Да, наверное, и не только их.

Короче говоря, Хрущев не угрожал Западу, он, употребляя это выражение, упорно дул в свою дуду — утверждал, что мы Америку догоним и перегоним, мол, покажем им такое, чего они даже на своей «хваленной кухне» никогда не видели. Жаль, что Никита Сергеевич только мне одному, а не широкой публике растолковал то особое, личное, а не словарное значение любимой фразы.

Скандал на банкете

Вечером того же дня состоялся банкет. Хозяином на нем был Норрис Поулсон, мэр Лос-Анджелеса. Сидели как обычно — на небольшом возвышении, за столом «президиума». В центре — мэр, слева от него — Нина Петровна, справа — Хрущев, затем я и справа от меня — жена Поулсона, довольно пожилая женщина с ярким не по годам макияжем и снежно-белыми искусственными зубами, которые мешали ей говорить. Хрущев тоже запомнил эту женщину, но весьма своеобразно: в своих воспоминаниях он сочинил целую историю о том, что она якобы была женой какого-то миллионера и заплатила большие деньги за то, чтобы сидеть с ним, Хрущевым, рядом. И будто она ему призналась, что они с мужем раскошелились только на одно место, поэтому ей пришлось приехать без супруга. Видимо, на Хрущева повлиял известный ему факт, что на подобных встречах многие действительно платили немалые деньги за место в банкетном зале.

Мэр оживленно беседовал с Ниной Петровной, а жена мэра, сверкая зубами, общалась с Хрущевым. Разговор шел о детях и внуках, о делах, далеких от политики. Застолье двигалось к своему завершению, приближалось время речей. Я нащупал в кармане заранее заготовленный перевод речи Хрущева и подумал: «Просто зачитает или начнет говорить от себя?» И приготовился к последнему. А жена мэра в этот момент говорила Хрущеву:

— Вы, наверное, волнуетесь? Я вас понимаю. Я сама училась на курсах ораторского искусства — выступать всегда волнительно.

Никита Сергеевич только усмехался, когда я ему переводил эти слова.

Как обычно, вначале выступил Лодж, за ним мэр. Прозвучали вежливые приветственные фразы. Но вдруг тон мэра стал меняться. Он вспомнил, как Хрущев однажды сказал, обращаясь к капиталистическому Западу: «мы вас похороним». Видимо, мэр, как и его жена, тоже когда-то учился ораторскому искусству. Наполнив свой голос металлом, он изрек:

— Господин Хрущев, вы нас не похороните! И если что, мы будем сражаться до конца.

Это прозвучало очень резко.

Хрущев напрягся. У меня тут же улетучилась последняя надежда на то, что он ограничится чтением своей речи. Так и случилось. Хрущев прочитал заготовленный текст и сказал, что на этом он собирался завершить выступление, но речь предыдущего оратора принуждает его высказать еще кое-что. Спокойный до этого зал разразился аплодисментами. Собравшиеся поняли, что не зря

платили большие деньги за свои места: ожидаемое шоу все-таки состоится.

И тут Хрущев мертвой хваткой «вцепился» в Поулсона. Он удивлялся, что мэры не читают прессу. Ведь он, Хрущев, не раз объяснял — ни о каких похоронах речь не идет. Все дело — в соревновании двух систем. Просто социализм придет на смену капитализму с той же неотвратимостью, с какой последний пришел на смену феодализму.

— А вот у нас, в Советском Союзе, — язвительно заметил он, — главы городских администраций читают газеты. А если не читают, то их потом не избирают.

Зал то и дело взрывался аплодисментами. Надо заметить, что в зале находилось немало политических противников Поулсона, и они, не во всем, конечно, соглашаясь с Хрущевым, от души радовались, что он побеждает в этой полемике с мэром.

Хрущев долго говорил о соревновании двух систем. Затем сделал мэру выволочку за грубые выражения, подчеркнув, что он, Хрущев, не просто его гость, а приехал по приглашению президента Соединенных Штатов, чтобы протянуть руку дружбы Америке и ее народу.

— А если не принимаете, — сказал он, — то и не надо.

И тут из зала кто-то крикнул по-русски:

— Принимаем!

Хрущев в запале даже не заметил, что слово прозвучало по-русски. Он продолжал:

— А раз принимаете, то и ведите себя соответственно. А нет, так мы и повернуть можем обратно: прилетели сюда на своем самолете за тринадцать часов, а обратно долетим часов за десять. Правильно я говорю? — обратился он к сопровождавшему его в этой поездке сыну прославленного авиаконструктора Алексею Туполеву.

Тот ответил:

— Долетим, Никита Сергеевич.

— Так что мы можем в любой момент улететь, — продолжил Хрущев.

Присутствующие пришли в полный восторг. Именно за этим они сюда и рвались. Поулсон молчал. И тут Никита Сергеевич не отказал себе в удовольствии сдобрить свое выступление поговоркой:

— Раз пригласили, то и слушайте, а я скажу вам поговорку по-украински. У меня переводчик — беглый украинец, так что он вам ее переведет. — Хрущев почему-то всегда считал, что я — сбежавший в Москву украинец. — Бачили очі, що купували, тепер їйте, хоч повилазьте¹⁷.

Можно представить чувства и ощущения переводчика, работающего в таких условиях. В переполненном зале, в прямом эфире, когда на тебя направлены объективы телекамер, ты должен мгновенно, без пауз, не раздумывая, дать точный перевод.

Надо отдать должное Хрущеву: он уже привык в подобных случаях произносить не слишком длинные фразы, не забывал в пылу спора останавливаться и уступать микрофон переводчику. После напряженной паузы, которая показалась мне вечностью и во время которой я поймал на себе полный ужаса взгляд моей коллеги — Тани Сиротиной, переводчицы Нины Петровны Хрущевой, — я все-таки ухитрился достаточно красочно передать смысл украинской поговорки.

Зал ликовал. Поулсон с довольно мрачным видом все это слушал. Впрочем, распрощался он с Никитой Сергеевичем вполне радушно.

Но что все же имел в виду Хрущев, когда говорил в своих речах — «мы вас похороним»?

В первый раз я услышал это выражение на одном из приемов в иностранном посольстве в Москве. У нас, в отличие от мирового протокола, было тогда принято произносить во время коктейля тосты. И надо сказать, что послы иностранных государств с большой охотой их произносили. Они знали, что тост обязательно вызовет ответ Хрущева. А это уже немало: такой ответ можно будет потом оформить в виде доклада своему правительству. Короче, именно на том приеме после долгого разговора о соревновании между двумя системами Хрущев сказал: «Придет время, и мы вас похороним». Помню, что на следующий день эта фраза произвела сенсацию. О ней говорили по радио, писали в газетах многих стран мира. Толковали как некий призыв к насилию: к битве, в результате которой Советский Союз одержит победу.

На самом же деле эта ситуация походила на случай с «кузькиной матерью». Хрущев неоднократно объяснял потом, что, говоря о «похоронах», он не имел в виду насилия, войны, а говорил лишь об исторической неизбежности победы социализма над капитализмом. Ему казалось, что всем это и так очевидно. Капитализм в ходе неумолимого развития социализма, несомненно, отомрет, а социализм, соответственно, выживет. И кто-то же должен «хоронить труп» умершего своей естественной смертью капитализма? Социализм и выполнит эту функцию. Вот что Хрущев действительно имел в виду и искренне удивлялся, почему на Западе его не понимают.

Удивительное дело, но фразе Хрущева о «похоронах», видимо, до сих пор суждено оставаться непонятой. И сегодня, когда вспо-

минают Хрущева, эта фраза всплывает в искаженном, прежде всего западными средствами массовой информации, смысле. Даже у нас зачастую ее переводят уже обратно — с английского «we will bury you». А слово bury означает и «похоронить», и «закопать». Получается — «мы вас закопаем»! А он вообще этого не говорил. Фраза «мы вас похороним», наверное, неудачна сама по себе. Но обратный перевод еще больше ее испортил. Вместо чинного могильщика в цилиндре явился грубый мужик с лопатой.

Однако вернемся к вечеру банкета.

«Эпопея» с мэром Лос-Анджелеса после завершения банкета в тот вечер не закончилась. Когда мы подъехали к гостинице, Хрущев попросил сопровождающих, в первую очередь Громыко, подняться к нему. Мы собрались в его номере, и он стал громко возмущаться тем, что «какой-то там мэр» смеет позволять себе выпады против него.

— Что они, каждый раз, в каждом городе собираются устраивать такие демонстрации? Никуда не пускают, — это он опять про Диснейленд, — возят в закрытой машине! Что же я, сюда завтракать и обедать приехал?!

Он очень долго возмущался.

Сам Хрущев в своих мемуарах вспоминает, что жена Громыко в какой-то момент даже обратила его, Никиты Сергеевича, внимание на то, что уже довольно поздно и надо бы говорить потише. Она не поняла, что он специально громко говорил, так как знал, что апартаменты, конечно же, прослушиваются. В конце концов он дал поручение Громыко и мне пойти в номер к Генри Лоджу и, несмотря на поздний час, сделать заявление: если так будет продолжаться и в других городах, то он действительно прервет визит и вернется домой. Мы должны были объяснить нашему сопровождающему, что Хрущев не позволит так неучтиво обращаться с собой.

Было уже за полночь. Громыко, естественно, беспрекословно «принял к исполнению» слова Хрущева, и мы, дозвонившись до представителя Госдепартамента и сказав ему о нашем намерении посетить Лоджа, направились к последнему. Он встретил нас на пороге своего номера уже без галстука, с расстегнутым воротом рубашки, видимо готовился ко сну. Помню, мне бросилось в глаза, что у него очень ветхая рубашка, а ее ворот взлохмачен от частой стирки.

Громыко официально изложил ему заявление Хрущева. Генри Лодж его внимательно выслушал. Было заметно, что он очень серьезно воспринял слова Громыко, хотя и заметил, что правительство США не вольно ничего приказывать мэрам городов,

а тем более навязывать им политические взгляды. И мы должны понять, что некоторые из мэров вообще являются политическими противниками вашингтонской администрации. Но все это так, к слову, что же касается заявления Хрущева, то он доведет его до сведения президента. На этом мы и покинули его номер.

Настоящая Америка

Нам предстояла поездка в другой крупнейший город Западного побережья США — Сан-Франциско. Я бывал там раньше и успел убедиться, что это один из самых красивых городов Соединенных Штатов. Расположен он на холмах у океана и славится своим прекрасным климатом: летом там не жарко, потому что местное холодное течение океана создает эффект естественного кондиционера. По этой же причине там нет и сильного смога, постоянно висящего над Лос-Анджелесом.

Ехать предстояло поездом. Хрущев находился в вагоне, в котором для широкого обзора были установлены большие окна и стеклянная крыша.

Он мирно беседовал с Лоджем. Ни тот ни другой не касались вчерашнего инцидента.

Поезд шел по берегу океана. Даже на тех станциях, где не предусматривалась остановка, стояли толпы народа. Люди держали плакаты. Я не увидел ни одного враждебного. Тексты были довольно трогательные, многие на русском языке, с ошибками: «Добро Пожаловать»...

В городке Сен-Луис-Обиспо поезд остановился, и Хрущев пожелал покинуть вагон. Народу там было видимо-невидимо. И опять дружеские слова на плакатах, приветливые улыбки. Хрущев устремился к толпе. Наконец-то он попал в свою стихию. После поездок в закрытой машине он получил возможность пообщаться с людьми. Здравовался с ними, брал на руки детей, словом, вел себя очень по-американски, точь-в-точь как здешний политик в ходе предвыборной кампании. Это, кстати, подметили и журналисты, написав также о том, что в мэры Сен-Луис-Обиспо Хрущева точно бы избрали. Утверждение шутливое, но оно говорит о популярности Никиты Сергеевича и об отношении к нему американцев.

Помню один плакат: «Господин Хрущев, мы не Лос-Анджелес, мы вас любим. Оставляйтесь у нас!» И я подумал тогда, что все же не уходят в песок слова советского руководителя. Произнесенные с телевизионных экранов, они проникали в сердца американцев, даже если Хрущев «сражался», отстаивая свою точку зрения, как это было в Лос-Анджелесе.

Не только Никита Сергеевич, но и Нина Петровна произвела очень хорошее впечатление. Жена Хрущева была интеллигентной женщиной. Она никогда не претендовала на особое к себе внимание. От нее исходил мягкий, добрый свет ее души. Лучшую, на мой взгляд, характеристику ей дали в американской прессе после визита Хрущева, любовно назвав «всеобщей бабушкой», что полностью соответствовало ее облику и характеру. С Ниной Петровной было приятно общаться. В поездках чувствовалось, что она к ним готовилась, читала соответствующую литературу.

В Сан-Франциско нас встречал мэр Джордж Кристофер, грек по происхождению. Он очень тепло поприветствовал Хрущева и вручил ему символический ключ от города. Я сразу заметил, что отношение здесь к высокому гостю совсем не такое, как в Лос-Анджелесе. Более уважительное и сердечное. Не знаю, может, сыграл свою роль ночной разговор Громыко с Лоджем. Но с другой стороны, между Лос-Анджелесом и Сан-Франциско издавна существует соперничество за звание первого города Калифорнии. Вероятно, дело было и в этом. Здесь хотели перещеголять Лос-Анджелес в гостеприимстве. Так или иначе, но именно в Сан-Франциско Хрущев получил возможность погулять по городу и поговорить с горожанами. В этих разговорах звучало не раз: «Мы не Лос-Анджелес, мы — настоящая Америка». Замечу, что Лос-Анджелес ассоциируется у американцев с Голливудом, «"фабрикой грез" и красивых иллюзий» и, по их мнению, понятию «настоящая Америка» он не соответствует.

Однако и в Сан-Франциско не совсем гладко все прошло. Не на улицах, а на встрече с лидерами крупнейших американских профсоюзов. Встреча носила неформальный характер и проходила за званым ужином. Присутствовали многие известные профсоюзные боссы, в частности семь вице-председателей АФТ — КПП (Американской федерации труда — Конгресса производственных профсоюзов). После застолья завязалась беседа. Вопросы так и сыпались. Очень острые, задиристые, ни один из них не был рассчитан на то, чтобы поддержать нормальное кровяное давление у советского лидера. Думаю, это была самая конфронтационная из всех встреч, состоявшихся в дни визита Хрущева в Америку. Поднимались вопросы свобод и прав человека в СССР, вспоминали Венгрию и трагедию, которая там произошла, упоминали ГДР и навязанный ей коммунистический режим, а также бедственное положение трудящихся в Советском Союзе и так далее. Конечно, для Хрущева все это не было неожиданностью. Он понимал, что ему не переубедить своих собеседников. Но тем не менее ринулся в бой.

Встреча длилась долго. Закончилась ночью. И все время Хрущев был на подъеме. Он стучал кулаком по столу, повышал голос, срываясь иногда на крик. Его пытались перебивать, но это никому не удавалось. В какой-то момент, когда речь зашла об обмене культурными ценностями, Хрущев вернулся к теме Голливуда. При этом он поднялся со своего места и стал говорить, что советские люди никогда не захотят смотреть то, что ему показывали в Голливуде.

— Хорошие, честные девушки вынуждены исполнять похабные танцы, задирают юбки, показывать свои зады на потребу развращенным вкусам богатых потребителей такого товара! — При этом Хрущев отодвинул стул и, повернувшись спиной к присутствующим, нагнулся и задрал полы своего пиджака. Так он изобразил «честную девушку, танцующую канкан». Кто помнит фигуру Хрущева, может себе представить эту впечатляющую картину.

— Нет! — доказывал он. — Не пойдут советские люди на такие фильмы!

Увы, и это пророчество Никиты Сергеевича не сбылось...

Боссы застыли в ошеломенности, а Хрущев ликовал. Он считал, что с этими профсоюзными заправками, классическими предателями дела рабочего класса, иначе и говорить не стоит.

В тот период Никита Сергеевич находился в отличной физической форме. Он легко приспособился к большой разнице во времени между нашими странами и по утрам вставал очень рано, свежим и бодрым. С удовольствием ознакомившись с городом, восхитившись Сан-Францисской бухтой, Хрущев посетил штаб-квартиру профсоюза портовых рабочих Тихоокеанского побережья. По своей сути этот профсоюз, тогда возглавляемый Гарри Бриджесом, был близок компартии США. Хрущева портовики встретили тепло. Тут уж никакой конфронтации не возникло. Кто-то из рабочих протянул ему свою кепку, которую Хрущев сразу же натянул себе на голову, отдав взамен свою шляпу. А подойдя к микрофону, он обратился к рабочим — «Товарищи!». В его глазах эти люди и были «настоящими американцами».

Лапоточки на память

Город Сан-Хосе. Здесь у нас состоялась встреча на заводе фирмы «Ай-би-эм», где производились счетно-вычислительные машины, говоря современным языком — компьютеры. Принимал Хрущева президент компании Томас Уотсон — молодой, подтянутый руководитель ведущей фирмы в одной из самых современных областей науки и бизнеса.

Никита Сергеевич внимательно осматривал предприятие: ему показывали новые модели компьютеров, которые отличались от современных, как небо от земли, огромными размерами. Это были просто шкафы, в которых крутились большие бобины, мигали разноцветные лампочки. На широких бумажных лентах, выползавших из принтеров, мы прочли приветственные слова в адрес Хрущева, а на одной даже лицезрели его портрет. Компания собралась со всех своих заводов работников, знающих русский язык, и они исполняли роль гидов.

Затем наступило время ланча. Обедали в заводском кафетерии самообслуживания. Уотсону, Хрущеву и всем нам выдали подносы и провели к прилавку, на котором стояли различные закуски, холодные и горячие блюда. Похоже, Хрущев никогда раньше не бывал в такого рода кафетериях. Он с энтузиазмом выбирал себе еду, раскладывал ее на подносе. Проходя мимо кассы, сказал:

— А у меня денег нет.

Уотсон улыбнулся:

— Ничего. На первый раз мы за вас заплатим.

Томас Уотсон не скрывал своей радости от общения с высоким гостем. Это и неудивительно — у него были давние связи с Советским Союзом. Во время войны он служил пилотом бомбардировщика, и ему однажды пришлось через Аляску и Сибирь долететь до Москвы. Он как бы проложил маршрут, по которому потом летели самолеты, передаваемые Советскому Союзу по ленд-лизу. В другой раз он почти месяц прожил в Москве, так что о России знал не понаслышке. Хрущев тоже проникся симпатией к Уотсону, на его шуточки в тон отвечал:

— Компьютерные технологии считаются секретными, но мне все это можно показывать, потому что я в этом ничего не понимаю.

И здесь Никита Сергеевич не обошелся без поговорки, которая опять оказалась трудной для перевода. Он сказал, что не пытается обратить капиталистов в свою веру, что «всяк кулик свое болото хвалит» и что «время нас рассудит», мол, давайте соревноваться, а пока не будем обижаться.

Я, конечно, знал, что существует такая птица — кулик, но никогда ее в жизни не видел. И как она называется по-английски, не имел представления. Но выходить из положения надо было. И я перевел: «Всякая утка свое озеро хвалит». Тут надо сказать, что одна из телекомпаний наняла на период пребывания Хрущева в США русского переводчика. Это был некто Орлов, происходивший из семьи знаменитого графского рода Орловых. Он переводил речи Хрущева синхронно, я же — последовательно. Таким образом, зрители слышали сразу два перевода. Орлов, надо отдать

ему должное, знал, как по-английски будет «кулик», и правильно перевел. А утром я прочитал в какой-то газете еще один вариант перевода: «Каждая змея свою тряси́ну хвалит». На следующий день другая газета поместила маленькую заметку «Холодная война между переводчиками», заканчивавшуюся словами: «Итак, утка, кулик или змея? Озеро, болото или тряси́на?»

Вечером в Сан-Франциско состоялся банкет. И здесь я убедился, что не зря Громыко ходил поздней ночью в номер к Лоджу, — речи были взвешенными, уважительными и даже, я бы сказал, дружескими. Хрущев с удовольствием делился своими впечатлениями от Америки, а потом вдруг упомянул о Лос-Анджелесе. Очень мягко стал говорить о том, что отнюдь не всегда удается произнести удачную речь. Видимо, именно это и произошло с мэром Поулсоном. Но он, Хрущев, на него не в обиде. Этими словами он добил Поулсона. Это был, как сказали бы американцы, «поцелуй смерти». Есть тут связь или нет... но следующие выборы Поулсон проиграл.

Что касается Томаса Уотсона, то в 80-х годах он был назначен послом США в СССР и пользовался уважением нашего руководства. Когда окончился срок его пребывания на этой должности, Уотсону было оказано неслыханное по тем временам доверие — ему разрешили покинуть Советский Союз перелетом по сибирскому маршруту, по тому самому, по которому он совершил полет в дни войны. За ним был прислан американский самолет, Томас сел за штурвал и улетел. Хочется думать, что он увозил с собой добрые воспоминания о нашем народе.

Когда много лет спустя я встретился с ним в Нью-Йорке, Томас вспомнил о том, что я на прощальном приеме в его посольстве в Москве подарил ему на память маленькие сувенирные лапоточки. Их он повесил над штурвалом, улетая домой, и с тех пор хранит этот сувенир у себя как символ удачи.

В кукурузном раю

Город Де-Мойн — столица штата Айова. Центр кукурузного пояса Америки. С самого начала поездки Хрущев всем сердцем стремился туда.

Хотя довольно однообразно начинать каждый рассказ о приезде Хрущева на новое место с описания того, кто и как его встречал, все же не могу не отметить, что здесь, в Де-Мойне, наблюдалось ни с чем до этого не сравнимое людское ликование.

Приболевший ранее Олег Трояновский наконец выздоровел, у меня появилось свободное время, я смог теперь больше увидеть и услышать. С интересом наблюдал, как на предприятии по раз-

делке и упаковке мясных продуктов Никита Сергеевич с детской непосредственностью постигал производственный процесс. В длинное здание этого предприятия одного за другим загоняли бычков, а с другой его стороны выезжали грузовики с готовой продукцией — стейками, сосисками, колбасами.

Недалеко от Де-Мойна находилась ферма известного в Советском Союзе человека — Росуэлла Гарста¹⁸. Он на крупных площадях выращивал кукурузу и добился в этом деле больших успехов. Двумя или тремя годами ранее произошел обмен делегациями специалистов сельского хозяйства: советская — побывала в Айове, американцы же во главе с Гарстом поехали по колхозным полям нашей страны. Гарст оказался большим энтузиастом продолжения такого сотрудничества. Он не раз встречался с Хрущевым, можно сказать, они стали почти друзьями. По крайней мере, хорошо понимали друг друга. Они и по темпераменту были похожи: оба импульсивные, откровенные, не стеснявшиеся в выражениях. И конечно, будучи в Айове, Никита Сергеевич собирался встретиться с Гарстом.

В то утро мне что-то не спалось. Рано поднявшись, я спустился в холл гостиницы. Купил несколько открыток с видами Де-Мойна и решил послать их в Москву. Только успел бросить их в почтовый ящик, смотрю — по лестнице спускаются Хрущев и Гарст. Оказалось, что Гарст не стал дожидаться, когда Хрущев прибудет на ферму, а сел в машину и сам приехал в гостиницу. Я подошел к ним и начал переводить. Гарст говорит: «А зачем мы будем ждать ваших сопровождающих? Они же ничего в сельском хозяйстве не понимают». Хрущев согласился, они сели в машину, ну и мне, разумеется, пришлось ехать с ними. Если бы я совершенно случайно не оказался в холле, уж и не знаю, как бы они разговаривали друг с другом.

Выехали из города — кругом поля. Посевы кукурузы. То тут, то там стада коров. Словом, сельскохозяйственный пейзаж. Хрущев почувствовал себя в своей стихии. Въехали во владения Гарста. Хозяин предложил остановиться и начать осмотр. И тут я заметил, что на огромной скорости, поднимая клубы пыли, к нам приближается кортеж. Это были сопровождающие. Подъехав, они с облегчением отметили, что все в порядке, Никита Сергеевич жив-здоров и даже весел. Я уступил свое место Трояновскому и отошел в сторонку. И тут же увидел злое выражение на лице шефа протокола посла Бьюкенена. Он подошел ко мне и спросил: — Как они уехали?

Я рассказал, добавив, что совершенно случайно оказался в холле на их пути.

— Это Гарст его утащил, — сказал Бьюкенен и пробормотал какое-то ругательство.

Кукурузное поле Гарста заполнилось журналистами. Они топтали посевы, мешали вести беседу хозяину со своим дорогим гостем. В конце концов Гарст не выдержал и стал ругаться:

— Вы же заслонили собой все поле! Кукурузу не видно!

Гарст ругался, Хрущев смеялся, журналисты напирали... В это время мы подошли к кукурузоуборочному комбайну, бункер которого был наполнен кукурузными початками. Гарст стал хватать эти початки и со всей силы кидать их в журналистов. Потом поскользнулся и свалился в канаву, вызвав у всех приступ хохота. В общем, получилась просто сцена из комедийного фильма.

Оба — что Хрущев, что Гарст — радовались как дети. Гарст показывал Хрущеву початки, тот внимательно их рассматривал и в свою очередь давал советы по выращиванию кукурузы. Шел оживленный разговор двух знатоков сельского хозяйства. Отличие заключалось только в том, что Гарст сажал кукурузу там, где она хорошо росла, а Хрущев хотел дотянуть ее посевы чуть ли не до полярного круга.

Все закончилось угощением под специальным навесом. На столах — кукуруза во всех видах: вареная, пареная, каша и лепешки из кукурузной муки. Когда Хрущев, с явной неохотой, уже покидал Гарста, то взял с него слово, что тот обязательно еще раз придет в СССР. Гарст пообещал и со своей стороны пригласил к себе на ферму большую группу советских специалистов. Так оно потом и было.

Язык классиков не требует перевода

В городе Эймс Хрущеву предстояло ознакомиться с местным университетом, причем с не совсем обычным факультетом — домашней экономики, где обучались будущие домохозяйки. Я уже не помню, почему не пошел туда, остался в машине. Сажу, покуриваю. Вдруг вижу — мимо длинного ряда автомашин идут двое парней, по виду — явно студенты этого университета. Идут и заглядывают в окна автомобилей. Наконец остановились у машины, в которой сидел я. Узнав меня по многочисленным телерепортажам, говорят:

— Хорошо, что мы вас нашли. Мы с факультета литературы. Откровенно говоря, нас совсем не интересует Хрущев. Мы пришли для того, чтобы увидеть великого русского писателя Шолохова. Вы не скажете, где он?

Я ответил, что не знаю, но, судя по тому, что его не было на ферме у Гарста, возможно, он остался в Де-Мойне. Ребята расстроились и, не скрывая своего разочарования, удалились.

Кстати говоря, не встретить я тогда этих двух парней, скорее всего, сегодня я вообще не вспомнил бы, что в числе лиц, сопровождавших советского лидера, находился великий писатель Шолохов. Участие его в той поездке было довольно странным.

Возвращаясь мысленно к тому визиту, я должен сказать, что каждый день и каждый час на всех нас, участников поездки, обрушивался огромный поток информации, каждый день и каждый час были насыщены событиями, встречами с интереснейшими людьми, представляющими с самых разных сторон великую страну — Соединенные Штаты Америки.

Одним словом, впечатления накатывались на каждого, как снежный ком. И помнится, я и тогда задавался вопросом: как же может проходить мимо всего этого, выражаясь языком той поры, «инженер человеческих душ», может быть даже «главный инженер», по тогдашнему писательскому ранжиру? Уж он-то должен был, как губка, впитывать в себя объем поступающей информации, чтобы потом, силой своего литературного таланта, все это отобразить. Однако Шолохова почти нигде и никто не видел, ни на банкетах, ни на других встречах. Разве что в поезде и на ланче у Спираса Скураса, где он тоже ни с кем не общался. Особенно меня удивило, что он не поехал к Гарсту. Ему, сельскому жителю, да чтобы не поинтересоваться американской фермой? И в университет не поехал, где, как я узнал, у него были поклонники.

Потом мне рассказали, что в Сан-Франциско нашего великого писателя посетил американский великий писатель Уильям Фолкнер. Им в номер принесли ящик виски. После чего сутки, а может и больше, никто не видел ни Фолкнера, ни Шолохова. Кстати, в своих мемуарах Хрущев упоминает о любви Шолохова к возлияниям. Перед поездкой в США между ними произошел разговор, во время которого Шолохов дал Хрущеву соответствующие заверения. Но, видимо, все-таки не удержался.

Единственное, о чем я всегда задумывался чисто профессионально: а как же эти два гения, не знавшие языков друг друга, общались между собой? В промежутках между употреблением «огненной воды»...

Результаты малые — надежды большие

Далее был Питтсбург, осмотр металлургического завода, где Хрущев с удовольствием общался с рабочими. Один из них достал из кармана сигару и протянул ее Хрущеву, тот принял подарок, а рабочему вручил часы, сняв их со своей руки. Среди рабочих оказался выходец из Белоруссии. Хрущев тут же подозвал Громыко и, когда тот подошел, представил министру его земляка.

Затем — Вашингтон, переговоры в Кемп-Дэвиде с Эйзенхауэром. Вновь — приемы, встречи и, наконец, заключительная пресс-конференция.

Готовя к изданию эту книгу, я еще раз обратился к текстам речей Хрущева, его ответам на многочисленные вопросы. Бросилось в глаза, что всякий раз он выступал за расширение торговли, но, правда, только теми товарами, которые могут заинтересовать Советский Союз, мол, если речь пойдет о сосисках или ботинках, то это для нас не предмет торговли. Этого Советскому Союзу не требуется (вспомнив прилавки наших магазинов в те и последующие годы, можно понять, почему они были такими пустыми). Словом, та многодневная поездка в Америку могла многому его обучить, но, к сожалению, он ограничился мелочами. Например, на заводе компании «Ай-би-эм» ему, как я уже говорил, понравился кафетерий самообслуживания — и в наших городах стало появляться нечто подобное.

Лейтмотивом выступлений Хрущева в той поездке было то, что Советский Союз догоняет и скоро перегонит Америку. Эту мысль он озвучил и на заключительной пресс-конференции. В то же время он всячески подчеркивал стремление нашей страны к прочному миру с Соединенными Штатами Америки. Подчеркивал необходимость договариваться по спорным вопросам. В этом ключе он вел переговоры с Эйзенхауэром, своим тогда еще «френдом». Расставаясь, они были уверены в том, что не пройдет и года, как Дуайт Эйзенхауэр посетит СССР с ответным визитом.

Вспоминая поездки в зарубежные страны, в которых мне довелось быть рядом с Хрущевым, я сейчас убежден, что именно тот визит в Америку был звездным часом Никиты Сергеевича. Тогда проявились его лучшие качества: руководителя, оратора, мастера-полемиста, человека, умеющего постоять за себя и свою идеологию. Симпатии американцев росли к нему с каждым днем, газеты писали, что если бы он выставил собственную кандидатуру на выборах любого уровня в США, то, скорее всего, победил бы. Насчет выборов, возможно, и перебор, но все же такая оценка говорит о многом.

Так завершился этот визит. Триумфальный визит «коммуниста номер один» в «логово» империализма.

Взрыв в небе — срыв в Париже

Ничто не предвещало тогда, что ответному визиту американского президента в СССР не суждено состояться. Поездка Эйзенхауэра оказалась в одночасье отмененной в связи с полетом над нашей территорией американского самолета-шпиона «U-2»

1 мая 1960 года. Отношения с США в очередной раз испортились. По той же причине провалилось и Парижское совещание в верхах, на котором должны были обсуждаться основные международные проблемы, а именно: разоружение, отношения между Востоком и Западом, мирный договор с Германией и вопросы, связанные с прекращением испытаний ядерного оружия. Хрущев все-таки поехал в Париж, и одно предварительное заседание там состоялось 16 мая. Кроме Хрущева на нем присутствовали Эйзенхауэр, де Голль и Макмиллан.

Первым взял слово Хрущев и сразу же в решительных выражениях потребовал от Эйзенхауэра недвусмысленного и безоговорочного осуждения практики разведывательных полетов над советской территорией, а также извинения за такие полеты. Говорил резко, а в конце заявил, что без всех этих действий с американской стороны он продолжать свое участие в совещании не намерен.

Все сидели за большим круглым столом. Рядом со мной находился госсекретарь США Кристиан Гертер. Эйзенхауэр во время выступления Хрущева наклонился к Гертеру, и я услышал, как он сказал: «Я не вижу причины, почему бы и нам не выступить с заявлением такого рода». На что Гертер ответил: «Нет, нам не следует этого делать».

Американцы заявили, что программа разведывательных полетов выполнена и они их продолжать не будут. Но осуждения практики таких полетов и прямых извинений не последовало. По сути дела, на этом совещание закончилось. С тем мы и уехали из Парижа. Я, конечно, рассказал Никите Сергеевичу о том, услышанном мной, коротком диалоге между Эйзенхауэром и его госсекретарем.

Никита Сергеевич слегка кивнул и нахмурился.

Начался новый виток холодного отчуждения.

Очередной «главный вопрос»

Тем временем приближался сентябрь — начало работы сессии Генеральной Ассамблеи ООН. Как всегда, у нас в МИДе искали тему для постановки на сессии нашего «главного вопроса», по которому СССР выступит с очередной «исторической» инициативой. Было решено выдвинуть комплекс предложений, направленных на окончательную ликвидацию колониализма во всех его формах и проявлениях. В те годы в мире происходили существенные изменения: колонии обретали независимость и становились полноправными членами ООН, развивалось Движение неприсоединения. В том же пакете предложений появилась и довольно

странная инициатива, которая, по мнению ее авторов, должна была изменить саму структуру ООН. Не знаю, от кого конкретно она исходила, скажу лишь, что Хрущеву эта идея очень понравилась. Суть инициативы заключалась в том, что коль скоро весь мир делится на три группы стран — капиталистические, социалистические и неприсоединившиеся, то и Секретариат ООН должен возглавлять не один Генеральный секретарь, а три. На всех языках это предложение получило название «предложение о "тройке"».

Для любого мало-мальски разбирающегося в той политической ситуации человека было ясно, что это предложение мертворожденное. Но Хрущев никого не слушал. Он лично решил возглавить советскую делегацию. Думаю, ему хотелось силой своей аргументации убедить членов ООН принять два наших предложения, каждое из которых, конечно же, было направлено против империализма во главе с США. Хрущеву не терпелось на территории противника заняться активным его разоблачением.

Решение было принято, механизм подготовки запущен.

Рейс Мира

В какой-то момент стало известно, что Хрущев решил отправиться в Нью-Йорк морем, на теплоходе. В своих мемуарах он объясняет данное решение тем, что якобы с самолетом произошли какие-то неполадки. Думаю, это не так. Никиту Сергеевича наверняка уговорили. Видимо, сказали, что десять дней на комфортабельном теплоходе дадут ему возможность и отдохнуть, и как следует подготовиться к выступлению в ООН.

Узнав о том, что в Нью-Йорк поедет Хрущев, лидеры соцстран один за другим объявили, что они тоже возглавят свои делегации. Эта волна коснулась и других стран. Например, делегацию Индии решил возглавить Джавахарлал Неру, англичане заявили, что на сессию поедет Гарольд Макмиллан. Словом, многие президенты и премьер-министры как бы подхватили инициативу Хрущева и включили в свои планы поездку в Нью-Йорк.

На теплоходе вместе с Хрущевым намеревались плыть руководители почти всех соцстран. В начале сентября они стали прибывать в Калининград, откуда и стартовал «Рейс Мира», названный так благодаря стараниям нашей пресс-группы.

Вместе с Хрущевым отправились в путь Янош Кадар, Тодор Живков, Антонин Новотный, Владислав Гомулка. Румыны сообщили, что будут добираться самостоятельно. В этом же рейсе участвовали руководители Украины и Белоруссии — Николай Подгорный и Кирилл Мазуров.

Теплоход назывался «Балтика». Судно достаточно старой постройки — впервые спущено на воду в 1940 году в Амстердаме. Во время войны его захватили немцы, а потом оно в качестве трофея досталось нам. Поначалу его называли «Вячеслав Молотов». Но после «падения» Молотова теплоход приобрел более нейтральное название — «Балтика». На нем совершались регулярные рейсы между Ленинградом и Лондоном, но он был вполне пригоден и для плавания через океан.

Вместе с каждым руководителем отправился полный комплект охраны, переводчики, помощники и секретари. «Балтика» превратилась в своеобразный плавучий офис. На борт постоянно поступали шифрованные телеграммы, с теплохода также шли различные шифровки.

Посылались материалы и в прессу. Журналисты мучились над заголовками, ведь каждый день их сообщения должны были публиковаться на первых страницах газет. Вначале свои заметки они называли «Рейс Мира начался», затем — «Рейс Мира продолжается». На этом их фантазия иссякла. Пресс-группа готова была конкурс объявить на лучший заголовок.

Обстановка на теплоходе царила демократичная. Определялась она прежде всего характером Хрущева, да и просто замкнутым пространством. Кругом, как говорится, вода, вода... Днем сидели на палубах в раскладных шезлонгах. Работали два ресторана, жизнь — как в санатории: с такого-то часа до такого — обед, с такого-то до такого — ужин и так далее. Если опоздаешь — останешься голодным. Никто, конечно, не оставался, но работники ресторана на всякий случай предупреждали.

Дня через два мы вышли из Балтийского моря, прошли мимо Великобритании, Франции и оказались в открытом океане. Вскоре началась сильная качка. Мы увидели, что морской болезни подвластны все — и главы государств, правда кроме Хрущева, и младшие сотрудники. Количество едоков в ресторанах постепенно таяло. И за главным столом, где восседали руководители, становилось все более пустынно. А в какие-то моменты Никита Сергеевич вообще оказывался в одиночестве.

Нельзя сказать, что мы, переводчики, бездельничали в этом комфортном плавании. Журналисты писали статьи, а мы корпели над речью Хрущева. Текст нам поступал кусками, по мере готовности. Он был велик — рассчитан на два с половиной часа чтения.

После того как началась качка, ряды наши поредели — почти все машинистки, которые умели работать под диктовку, выбыли из строя. Врачи, конечно, раздавали таблетки, но они мало помогали.

К чести Никиты Сергеевича надо отметить, что он не только ни одного обеда не пропустил, но и ни одного фильма из тех, что показывали по вечерам. Каждый день он гулял по палубе, играл в разные палубные игры, больше всего нравилась ему та, в которой особой клюшкой надо было толкать специальные шайбы на разграфленной площадке. Он втянулся в эту игру и втянул в нее Яноша Кадара. И даже Громыко, помню, не удержался и тоже несколько раз брал в руки клюшку.

По несколько раз в день мимо нас проплывали корабли, идущие с Кубы. Эти рейсы намеренно были спланированы так, чтобы наш теплоход всегда находился в поле зрения и в случае чего было кому прийти на помощь.

К концу путешествия мы закончили перевод речи Хрущева. К выступлению прилагалась еще и Декларация о предоставлении независимости колониальным странам и народам.

Холодная встреча

Как я уже говорил, события, связанные со шпионским полетом «U-2», вконец испортили отношения между Советским Союзом и США. Хрущев лично, своими речами, заявлениями, прочими высказываниями, да и вся наша пропагандистская машина работали на то, чтобы развернуть на 180 градусов те положительные эмоции в отношении США, которые родились год назад, во время триумфальной поездки Хрущева по Америке. Американцы в своей пропаганде, разумеется, отвечали нам взаимностью, так что мы знали, отправляясь в Нью-Йорк, — атмосфера будет совсем не такой, какой она была годом раньше. Одним словом, готовились мы отнюдь не к теплоте приему.

И вот — на десятый день — на горизонте показался силуэт Нью-Йорка с его небоскребами. На подходе к Нью-Йоркской гавани навстречу нам вышел довольно внушительных размеров катер. Он был заполнен демонстрантами, которые в руках держали плакаты с враждебными лозунгами в наш адрес. Кроме того, они выкрикивали их во весь голос через мегафон. Потом «Балтику» окружили полицейские катера, и в их кольцо мы стали подходить к пирсу.

Вид пирса всех удивил: он был старый, полуразрушенный, какой-то облезлый. Наш посол заранее предупредил Хрущева, что аренда хорошего пирса будет стоить очень дорого, и Никита Сергеевич распорядился не тратить денег, а подыскать что-нибудь подешевле. Дальше — больше: профсоюз портовых рабочих демонстративно отказался обслуживать корабль «врага». При-

шлось на воду спустить шлюпку, на которой матросы доставили причальный конец на берег и пришвартовали судно.

Нас встретили скромно — наш посол, сотрудник постпредства при ООН и еще несколько человек. Американских официальных лиц не было. Вообще, интерес американцев к нашей делегации, пожалуй, проявлялся только со стороны многочисленных охранников.

Хрущев поселился в здании советского постпредства при ООН. На следующий день местные газеты вышли с большими, как принято говорить — аршинными, заголовками. Сообщалось, что один из матросов «Балтики» сбежал с корабля и попросил у американских властей политического убежища. Перебежчиком оказался житель Прибалтики, достаточно долго проработавший на гражданских судах. Конечно, этот факт обеспокоил нас всех. Хрущеву, разумеется, доложили о ЧП, и он, видимо, продумал, как и что отвечать на вопросы корреспондентов.

Когда у подъезда здания постпредства его окружили журналисты, первый вопрос был об этом матросе. Я видел горящие, возбужденные глаза корреспондентов и совершенно бесстрастное лицо Хрущева. Он спокойно сказал:

— Ну, вы знаете, собственно говоря, ничего особенного не произошло. Если он хочет жить здесь, а не у себя дома, то это его личное дело. А если бы он заранее сообщил мне, что таково его желание, то я готов был бы ему помочь устроиться, хотя бы на первое время. Одним словом, дай Бог ему здоровья, и если ему нужна будет какая-то помощь, пусть ко мне обратится.

И пошел к своей машине. Больше вопросов об этом перебежчике Хрущеву не задавали. Срезал, так сказать...

Все мы понимали, что ответ Хрущева не соответствует действительности. Хорошо знали о том, что ожидало тогда тех, кто пытался бежать на Запад, но ответ, согласитесь, прозвучал достойно, и, как бы то ни было, он сработал. Никита Сергеевич на этот раз проявил находчивость и, я бы даже сказал, взвешенную дипломатичность. И оттого сенсация стала однодневной. При этом я не думаю, что ему кто-то заранее посоветовал, как надо вести себя в подобной ситуации.

«Мы так строить не будем»

Прибыв в Нью-Йорк для участия в сессии Генеральной Ассамблеи, Хрущев счел, что, как и на наших партийных съездах, он должен появляться на всех заседаниях сессии — утренних и дневных. Конечно, в этом не было ни малейшей необходимости.

Обычно прибывшие в Нью-Йорк главы государств и правительств появляются в зале заседаний лишь в тот день и даже в тот час, когда им самим предстоит взойти на трибуну.

Так что мы в эти дни по два раза мотались из резиденции в здание ООН и обратно.

И вот в одну из таких поездок произошел любопытный разговор.

В машине на заднем сиденье — Хрущев и Громыко. Я — на откидном. Когда наш лимузин проезжал по одной из «стрит», Громыко обратил внимание Никиты Сергеевича на строительство очередного небоскреба. Стройку окружал забор, и улица не была перекрыта. По определенному графику к стройке подъезжали машины с раствором и стройматериалами и, выгрузившись, уезжали. Все привезенное сразу же пускалось в дело. На этой стройке даже не было предусмотрено место для складирования стройматериалов. Короче говоря, для советского человека — весьма непривычная картина.

Наша машина притормозила у светофора. Громыко еще раз привлек внимание Никиты Сергеевича к стройке:

— Смотрите, как интересно строят. И быстро, и грязи нет, и улицу не перекрывают.

Никита Сергеевич взгляделся и отрезал:

— Ну и дураки! Неэффективно это, медленно, для строителей неудобно. Только время теряют. Мы так строить не будем. Стройка так стройка! Надо все огородить, перекрыть, стройматериалы завезти, чтобы все под рукой было. Тогда и будет быстро и хорошо.

Меня его высказывание неприятно поразило. Во время своих поездок в США, да и в другие страны, мне доводилось не раз видеть, как там строят. Приедешь в один год — еще только идут взрывные работы под фундамент. А на следующий — уже высится готовый или почти готовый дом. И подумал я там, у светофора, что у нас не скоро со строительством дело наладится, если у руководителя государства подобные суждения.

Прошло уже много лет, но я до сих пор помню, как Громыко пытался обратить внимание Хрущева на то, что ему самому, то есть Андрею Андреевичу, казалось олицетворением передовых методов. После взрывного хрущевского ответа он как-то сразу притих и больше не сказал ни единого слова. Что же касается меня, то я тоже как-то внутренне сжался. Ни тогда не мог понять, ни сейчас не понимаю, почему же не заметил, не увидел эффективности этого метода строительства Хрущев, еще год назад колесивший две недели по Америке, от Восточного побережья до Западного, живший в самых разных гостиницах, которые все как одна были современными и строились именно по данному принципу! Ну

не мог он на это не обратить внимание! Ведь по природе своей он был чрезвычайно любознательным человеком. Если узревал, например, какую-нибудь кнопку, назначение которой не понимал, то обязательно допытывался — что за штучка, что за механизм, для чего она и так далее. Вот я и повторяю: видел же он все это, пользовался многими достижениями цивилизации. И все же каким-то образом не воспринимал. Но ведь и не скажешь ему об этом... И вообще, я даже в страшном сне не мог представить себе, чтобы попытаться поддержать мнение моего министра или не дай бог высказать свое. Конечный результат был виден, как говорится, на лице. Виден и — ощущаем! И так — каждый день, каждый час...

Чем же было вызвано у Хрущева такое вот резкое неприятие? Будто какие-то шоры на глазах. Складывалось ощущение, что он даже в глубинах собственного сознания не мог допустить и мысли о своей неправоте. Потому что это вообще обрушило бы все его представления. Да, впрочем, он редко с кем-нибудь соглашался. Во всяком случае, не припомню, чтобы Никита Сергеевич допускал сослагательное наклонение. И если уж что-то утверждал, то оспорить его было невозможно. Нельзя. Бесполезное занятие. А когда у него не хватало аргументов, он использовал свою власть. Нет аргументов — кулаком по столу! Об одном из подобных случаев я уже рассказывал выше.

На Западе, особенно в США, Хрущеву во время самых разных встреч постоянно задавали вопросы на тему необходимости свободного обмена информацией, идеями, в том числе периодикой, журналами, книгами и тому подобным. И всякий раз Хрущев, всецело выступая за обмен опытом в промышленности, в сельском хозяйстве, едва речь заходила о более широком обмене идеями, тут же выдвигал тезис: «Смотря какие идеи!» В том смысле, что подкидывать, подбрасывать нам какие-то «чуждые» идеи нельзя. Каждый раз повторял, что наш, советский, народ должен сам выбирать, какие именно книги он захочет читать, а какие — не захочет. Но при этом судьей-то верховным всегда оставался он сам, Хрущев, или узкий круг его политических единомышленников. Должен сказать, что уже и в те годы я внутренне восставал против такого подхода. Думаю, что Хрущев не понимал, что он подобными своими высказываниями обеднял, принижал советских людей. Видимо, вбил в собственное сознание, что именно он и есть весь советский народ. И значит, он сам полностью выражает волю народа. Но вот искренно ли Никита Сергеевич в это верил, не знаю. Во всяком случае, если судить по тому, сколь жестко и убежденно всякий раз он говорил об этом, вполне можно думать, что Хрущев действительно искренно был уверен в своей правоте.

Однако к тому моменту уже прошли все его «зубодробительные» встречи с представителями интеллигенции — художниками, писателями, поэтами, и он мог сам увидеть и услышать, что далеко не все единодушны во взглядах и хотят через одни очки смотреть на изобразительное искусство, на литературу, на культуру вообще. Впрочем, может быть, он и в самом деле считал, что с ним не согласны только единицы, о которых и говорить не стоит, в чем его, конечно же, усердно убеждали, ибо в стране существовал единый общественный идеологический аппарат и в центре, и на местах.

И поэтому Хрущев совершенно уверенно, изо дня в день, во время своих зарубежных поездок твердил одно: наш народ этого не приемлет, нашему народу это не нужно! Ему пытались вежливо и робко отвечать: но может быть, все-таки стоит дать оценить народу? И если сам народ отвергнет, то это, несомненно, его право! На что он тотчас реагировал: а зачем предлагать, если я вам сказал? Я знаю, чего хочет, а главное — чего не хочет наш народ!..

Это было постоянным лейтмотивом его выступлений, и подобные заявления, повторяюсь, звучали с предельной убежденностью. Но я-то, в конце концов, если говорить, например, о литературе, читал многое из того, что якобы «наш народ не приемлет», и не могу сказать, что лично я этого не принимал.

И вот во время той поездки на автомашине по Нью-Йорку я на минуточку представил себе, что под влиянием описанного выше эпизода Хрущев начнет американцев учить, как, по его убеждению, надо строить. А я при этом, как обычно, буду стоять у его плеча и абсолютно доподлинно, я бы сказал верноподданно и буквально, переводить все то, что скажет премьер, в душе, разумеется, понимая, что озвучиваю полный бред. И это будет ясно любому здравомыслящему человеку! Но ведь — буду же переводить! Потому что такова профессия. Такова работа. Такова обязанность...

ООН за работой

Прежде чем рассказать об истории участия Хрущева в работе 15-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН, истории, обросшей легендами, стоило бы, наверное, немного отвлечься на описание процедуры проведения ежегодных сессий ООН.

Начинается каждая сессия с так называемой общей дискуссии, длящейся две — три недели. Именно в этот период в Нью-Йорк и съезжаются высокопоставленные представители государств — членов Организации Объединенных Наций. По большей части это министры иностранных дел. Но на каждую сессию приезжают

от тех или иных стран и президенты или премьер-министры, если хотят подчеркнуть значимость своих предложений, проблем, которые их особо волнуют. В тот год, в основном под влиянием решения Хрущева лично участвовать в работе сессии, съехалось особенно много глав государств и правительств, о чем я уже говорил.

Общая дискуссия проходит без фиксированной повестки дня. По сути дела, каждый участник волен в своем заявлении затрагивать, ставить, выдвигать любые вопросы или предложения. По итогам общей дискуссии никакой резолюции или иного решения не принимается. А вот после нее начинается, я бы сказал, действительно конкретная работа Ассамблеи. Еще до начала сессии готовится повестка дня, насчитывающая более сотни вопросов. На первых, чисто организационных заседаниях сессии они распределяются между шестью главными комитетами Генеральной Ассамблеи, каждый из которых занимается определенной тематикой: разоружение и международная безопасность, экономика и финансы, социальная, гуманитарная и культурная сферы, деколонизация, административно-бюджетная область и юридические проблемы. Некоторые наиболее важные, актуальные вопросы рассматриваются непосредственно на пленарных заседаниях самой Генеральной Ассамблеи, где по ним и принимаются соответствующие резолюции.

У нас всегда считалось, что все наши «главные вопросы» должны обсуждаться исключительно на пленарных заседаниях, а передача их в тот или иной комитет расценивалась как попытка похоронить вопрос, предать его забвению, хотя на самом деле резолюции Генассамблеи носят лишь рекомендательный, а не обязательный характер.

Отмечу еще один момент, касающийся периода проведения общей дискуссии. Список выступающих, конечно, готовится заранее. Кому-то выпадает выступить в первый день, а кому-то и в последний, то есть уже через две, а то и три недели после начала сессии. Ведь государств — членов ООН много. При этом Секретариат ООН более-менее справедливо устанавливает очередность и время выступления ораторов в тот или иной день.

Но существуют и негласные обычаи. Так, американский представитель — а, как правило, это президент США, благо ему в Нью-Йорк из Вашингтона и ехать-то недалеко, — выступает в первый день утром. По тому же неписаному правилу наш представитель выступает во второй день. В те годы такая последовательность была отнюдь не случайна: советской делегации необходимо было ознакомиться с речью американцев, с тем чтобы на следующий день, в зависимости от состояния советско-американских отношений,

либо вставить в заранее заготовленную нашу речь соответствующие возражения или шпильки в адрес «американских империалистов», либо, скажем в период разрядки напряженности, поддержать или похвалить американцев за определенные инициативы. В свою очередь, например, английский представитель обычно выступал после нашего, с тем чтобы попытаться нейтрализовать те или иные антизападные пассажи в наших речах. Вот такая велась игра с самого начала работы сессии.

Попутно скажу, что мне, как Директору Управления по делам Генеральной Ассамблеи (последние пять лет своей профессиональной карьеры я прослужил в Секретариате ООН), и моим сотрудникам как раз и приходилось заниматься всеми организационными и текущими вопросами, связанными с работой именно Генеральной Ассамблеи, в том числе составлением графика выступающих в общей дискуссии, распределением отдельных вопросов повестки дня по комитетам. Одним словом, всем, что связано с организацией нормальной деятельности Генеральной Ассамблеи.

Однако вернемся в сентябрь 1960 года, в Нью-Йорк, куда и прибыл Никита Сергеевич Хрущев для участия в очередной сессии.

Первое знакомство с парламентаризмом

Громыко пытался убедить Хрущева в том, что тому, как главе правительства, не обязательно ездить на каждое заседание Генеральной Ассамблеи, особенно на первое, организационное. Но Никита Сергеевич был непреклонен. Сказал: раз приехал, то буду присутствовать на всех заседаниях. Вслед за ним, конечно же, такое решение приняли и первые лица социалистических стран, не говоря уже о руководителях Белоруссии и Украины.

Интересно было наблюдать за Хрущевым. Он впервые столкнулся с практикой буржуазного парламентаризма. Внимательно ко всему присматривался, старался понять, почему аудитория ведет себя по-разному: одни горячо аплодируют, другие сидят молча, третьи вообще слоняются по залу. Поражая всех, он являлся к самому началу утренних и дневных заседаний. Опытный в этих делах Громыко напрасно уговаривал его не торопиться, мол, заседания Генассамблеи никогда не начинаются вовремя. Но Хрущев говорил:

— Ничего не знаю. По регламенту заседание начинается в одиннадцать. Именно тогда мы там и будем.

Делать нечего. Ехали. Хрущев входил в пустой зал. Подходил к тем креслам, которые были отведены для нашей делегации. Потом в недоумении бродил по вестибюлю или выходил в ооновский

парк. Возмущался здешними порядками. В Верховном Совете подобного представить было нельзя. Посмел бы там кто-нибудь опоздать к началу заседания или во время его проведения разгуливать по залу!

Наверное, все эти дни в нем копилось недовольство и плюс к этому его обуревало желание поскорей выйти на трибуну и раскрыть всем глаза на то, что происходит в мире и здесь, в ООН. Наконец этот долгожданный момент настал. Хрущев, не отступая от текста, выступил с более чем двухчасовой речью, со своим программным заявлением. Досталось на орехи всем империалистам, особенно американским, которым он припомнил все их преступления, включая и «U-2». Прозвучали и предложения о ликвидации колониализма, об учреждении «тройки» вместо поста одного Генерального секретаря ООН.

Зал был переполнен. Многие пассажи в выступлении Никиты Сергеевича встречались громом аплодисментов, исходящих прежде всего от наших союзников. Иногда Хрущев, взяв стоящий перед ним стакан боржомом, отпивал из него, хвалил, как всегда, этот напиток и советовал попробовать его всем присутствующим.

Сразу замечу, что в конечном счете Декларация о предоставлении независимости колониальным странам и народам была принята на основе нашего проекта¹⁹. И добавлю, что с тех пор, можно сказать с легкой руки Хрущева, вопрос, озаглавленный «О выполнении Декларации о предоставлении независимости колониальным странам и народам», в качестве отдельного пункта включался в повестки дня всех последующих сессий Генеральной Ассамблеи ООН вплоть до наших дней. Получилось, что в том году мы со своим «главным вопросом» угадали.

Практически все ораторы, выступавшие после Хрущева в ходе общей дискуссии, так или иначе затрагивали выдвинутые советским лидером инициативы. При этом некоторые из них обращали внимание зала на то, что кроме колониализма, о котором говорил Хрущев, есть и другой вид угнетения — тот, который навязал Советский Союз странам Восточной Европы. Это вызывало бурную реакцию Хрущева. А тут еще кто-то начал вещать с трибуны о «кровавых действиях Советского Союза» в Венгрии в 1956 году, и этого уже Хрущев перенести не мог. Он стал с места громко возражать против заявлений того или иного оратора. Однако микрофоны перед делегатами тогда еще не устанавливали, и поэтому ему приходилось кричать изо всех сил, но все равно без толку: ведь сидящие в будках синхронные переводчики его не слышали.

В своих мемуарах Никита Сергеевич пишет, что многие в зале выражали несогласие с выступающими: топали ногами, громко

протестовали и так далее. Но этого не было. В ООН подобное просто не принято. Там действуют строгие правила процедуры. Разрешается в ходе дискуссии брать слово для ответа на то или иное выступление или же по порядку ведения, если оратор говорит не на тему или как-то иначе нарушает регламент. В этом случае председательствующий прерывает оратора и дает слово для чисто процедурного возражения. Но Никиту Сергеевича все эти права и правила мало интересовали.

И вот на трибуне — представитель Филиппин, флегматичный, тщедушного вида мужчина. Он говорил о событиях в Венгрии, об аннексии Прибалтийских республик. К тому моменту Хрущев уже уяснил себе, что его выкрики с места никто не слышит, но все же продолжал буйствовать. Кстати, премьер-министр Англии Макмиллан прервал свое выступление, когда Хрущев начал снова что-то выкрикивать, выдержал паузу и с легкой улыбкой в усы произнес: «Хоть бы мне кто-нибудь его перевел, что ли...» Реакция — типично британская. Филиппинец же старался не обращать внимания на выкрики. Тогда Хрущев начал барабанить кулаками по столу. Пробовал и топать ногами, но получалось малоэффективно, поскольку пол был устлан сплошным ковровым покрытием.

Рядом сидел Громыко. Мало того что он не пытался успокоить своего соседа, так еще и сам разошелся. Кто бы мог представить Андрея Андреевича, бьющего кулаками по столу в зале Генеральной Ассамблеи! Однако я это видел.

Громыко все же сумел в какой-то момент объяснить Хрущеву, что тот имеет право перебить оратора и взять слово по порядку ведения.

— Ах, все-таки имею право перебить? Очень хорошо! — обрадовался Никита Сергеевич и поднял вверх табличку с названием своей страны.

Председатель прервал филиппинца. Тот покорно сошел с трибуны, а его место быстро занял Хрущев. Причем, подходя к трибуне, он сделал жест рукой, как будто смахивает с нее оратора словно муху.

Хрущев, разумеется, начал говорить не по порядку ведения заседания, а свое. Председатель сессии — Фредерик Боланд, ирландец — перебил его, мол, извините, но это — не по порядку ведения. Однако Хрущев все же успел-таки высказаться об «американских марионетках» на Филиппинах. А про самого оратора сказал:

— Не знаю, может быть, он сам по себе и неплохой человек, но ясно, что он выполняет волю своих заокеанских хозяев.

На следующий день филиппинец, получив официальный протокол прошедшего заседания, содержащий и высказывания Хрущева,

попросил на очередном заседании воспользоваться своим правом на ответ. Это получилось довольно смешно. Филиппинец вышел на трибуну и начал цитировать Хрущева: «Вот он вчера сказал, что он, то есть я, может, и неплохой человек, но...» и так далее.

Зал разразился смехом. Хрущев же хохотал чуть ли не до слез. Получилось, что обиженный оратор просто повторил его слова.

Выступления продолжались. Время от времени в них звучали заявления, которые Хрущев воспринимал как выпады против коммунизма, Советского Союза и социалистической системы в целом. Протестуя, он продолжал стучать кулаками по столу. А потом, в какой-то момент, я вдруг вижу — он снял с ноги ботинок и стучит уже им. Отмечу, что это был не совсем ботинок, хотя так его потом называли во всех газетах мира, а, скорее, башмак, что-то вроде сандалии, с несколькими ремешками на носке. Тупоносую коричневого цвета обувь Хрущев тогда любил носить в теплую погоду.

Когда он начал колотить башмаком по столу, мне стало дурно. Думаю, не только мне. Позже Никита Сергеевич пытался объяснить этот случай, взглянуть на него, так сказать, объективно. В своих воспоминаниях он пишет, например, что Неру не очень одобрил его действия, и поясняет, почему вынужден был прибегнуть к башмаку. В зале, прямо перед ним, сидела делегация франкистской Испании. А перед его отъездом из Москвы пребывающая в эмиграции в СССР Долорес Ибаррури, деятель испанского и международного рабочего движения, обратилась к нему с просьбой: если будет возможность, пристыдить и разоблачить франкистов. И вот после выступления министра иностранных дел Испании он, Хрущев, выполняя просьбу Долорес Ибаррури, стал выкрикивать слова против Франко и для большей убедительности стучать ботинком по столу. Тем самым он выполнил просьбу Долорес.

Цель как бы оправдывала средства.

Но я помню и другое объяснение, данное им в тот же день, как говорится, по горячим следам. После заседания Хрущев пригласил некоторых руководителей соцстран в свою машину, поскольку устраивал в нашей миссии завтрак в их честь, и по дороге завел разговор о злосчастном башмаке. Сказал, что вывел его из себя испанский оратор, пришлось так бить кулаками по столу, что часы остановились. «Вот, думаю, черт возьми, еще и часы свои сломал из-за этого капиталистического холуя. И так мне обидно стало, что я снял ботинок и начал им стучать». И ни слова о просьбе Долорес. Конечно, обидно сломать часы... Хорошо еще, что башмак уцелел.

Выступление испанского министра глубоко задело Хрущева. Он тут же потребовал слова в осуществление права на ответ.

Когда его предоставили, стал с трибуны на чем свет стоит крыть и режим в Испании, и самого Франко. А Франко, какой бы он ни был, являлся главой государства — члена ООН. Хрущев кричал, что «придет время, и народ Испании поднимется и свергнет кровавый режим!». По всем парламентским законам это было явным оскорблением. Председатель сессии прервал Хрущева и заметил, что «выступающий оскорбляет главу государства, а это у нас не положено». Он тщетно пытался лишить Хрущева слова. Но ведь Никита Сергеевич стоял на трибуне у микрофона, наушников, через которые поступает синхронный перевод, у него не было, и английский речь Боланда он не понимал. Да если бы и понимал, полагаю, не захотел бы остановиться. Догадываясь, что председатель пытается его урезонить, он обернулся к нему и стал обличать уже Боланда:

— Ах, вот как?! И вы, председатель, тоже поддерживаете этого мерзкого холуя империализма и фашизма?! Так вот я вам скажу: придет время, и народ Ирландии поднимется против своих угнетателей! Народ Ирландии свергнет таких, как вы, прислужников империализма!

Ирландцы — народ эмоциональный и горячий. Боланд, услышав выпады теперь уже в свой адрес, стал пунцовым и закричал:

— Вы нарушили уже все правила! Я лишаю вас слова и закрываю заседание!

И тут Боланд вспомнил, что у него в руках председательский молоток, которым в таких случаях можно стукнуть по деревянной подставке, что он и сделал, но уж очень сильно. Молоток треснул, и головка его, кувыркаясь, полетела в зал. Все замерли. Хрущев продолжал еще что-то выкрикивать, но его уже никто не слышал, так как микрофон отключили. Боланд встал и покинул зал. И только тогда Хрущев, явно нехотя, возвратился на свое место.

Потом мне рассказали, что кто-то все-таки подобрал головку молотка в зале, и она до сих пор хранится в здании на Ист-Ривер. У председателя же впоследствии появился новый молоток. Его подарили норвежцы. Он много мощнее сломанного, выполнен из дерева какой-то ценной породы и покрыт орнаментами времен викингов. Сломать его уже не так просто. Да и таких возмутителей спокойствия, каким был Хрущев, больше нет в мировой политике.

Что касается нашего предложения о введении «тройки» вместо поста одного Генерального секретаря ООН, то оно вызвало решительный протест всех делегаций, кроме, конечно, наших союзников, и с треском провалилось. Тогдашний Генсек ООН швед Даг Хаммаршельд, отвечая на критику Хрущева, упрекнувшего его с трибуны в том, что он целиком и полностью на стороне ка-

питалистического мира, сказал, что не может принять такие обвинения, что является беспристрастным слугой международного сообщества, каковым только и может быть Генеральный секретарь ООН, и что, на его взгляд, концепция руководства ООН «тройкой» не имеет будущего. И стал настаивать на том, чтобы «предложение о "тройке"» ни в коем случае не было принято. В ответном выступлении Хрущев воскликнул:

— Ну как же так, как вы можете выступать против?! Я вас принимал у себя в стране! Я вас на лодке катал!..

Обида и недоумение слышались в этих словах.

Двое в одной лодке

Думаю, что большая часть делегатов не поняла, о какой такой лодке шла речь. Видимо, сейчас стоит рассказать о том, что имел в виду Никита Сергеевич.

Несколькими месяцами ранее Хаммаршельд побывал в СССР. Мне было поручено сопровождать Генсека ООН. Показывал ему Москву, принимал участие в его переговорах с Громыко, потом ездил с ним в Дубну, в Институт ядерных исследований. Помню, там мне довелось увидеть Льва Ландау. После того как мы посетили лабораторию известного физика, директор института Дмитрий Блохинцев напомнил академику Ландау, чтобы он не забыл прийти на завтрак, который дается в честь Генерального секретаря ООН. Великий ученый спросил:

— А обязательно ли мне там быть? Не хотелось бы тратить время, работа ждет.

Блохинцев ответил:

— Нет уж, нужно быть обязательно.

Хрущев принимал Хаммаршельда у себя на даче в Пицунде. Анатолий Федорович Добрынин, в тот период заместитель Генерального секретаря ООН, в своих мемуарах вспоминает, что он уговаривал Хаммаршельда не садиться на своего любимого конька во время бесед с Хрущевым — не говорить об идее превращения ООН в некое подобие «мирового правительства». Хаммаршельд действительно носился тогда с этой идеей. Когда он приехал в Пицунду, то в первой же беседе с Хрущевым все же поднял данную тему. Она показалась Хрущеву скучной и нереальной. Поэтому в какой-то момент он предложил Хаммаршельду выйти и погулять по пляжу.

Они подошли к небольшому лодочному причалу. Там слегка покачивалась на воде маленькая, двухместная, лодка. Хрущев жестами предложил Хаммаршельду покататься на ней. Тот согла-

силса. Они сели в лодку. Хрущев взялся за весла, Хаммаршельд устроился на корме. Я было тоже попытался сесть — на нос, где еще оставалось место, но охранник схватил меня за руку:

— Нет, Виктор, нельзя. Перевернешь лодку.

Я растерялся:

— Как же они без переводчика? Никита Сергеевич, меня не пускают!

Хрущев рассудил так:

— Ну ничего, мы немножко вдвоем молча покатаемся.

И они отплыли. Возле них появилась лодка с двумя охранниками. Я наблюдал с причала, как Никита Сергеевич работает веслами. Минут тридцать продолжалась эта морская прогулка. Как и о чем уж они там говорили без переводчика, не знаю, но, когда вернулись, Никита Сергеевич со смехом сказал мне:

— Вот уж где я наговорился всласть!

Вечером того же дня Хаммаршельд был приглашен на ужин. Он, видимо, уже понял, что обсуждать с Хрущевым концепцию превращения ООН в «мировое правительство» не только не целесообразно, но и, как сейчас говорят, контрпродуктивно. И завел вдруг разговор о книге Бориса Пастернака «Доктор Живаго», вокруг которой тогда у нас разгорелся большой скандал²⁰. Хаммаршельд знал это и предельно вежливо защищал право писателя на свободу творчества. Он, разумеется, книгу читал и пытался доказать, что в «Докторе Живаго» не содержится ничего крамольного.

Хрущев занервничал и стал возражать ему, повторяя вздорные трафаретные обвинения в адрес Пастернака, публиковавшиеся в наших газетах. При этом чувствовалось, что сам он книгу не читал. К счастью, в беседу вступил В. Лебедев, помощник Хрущева, который на другом уже уровне повел разговор, хотя все с тех же, наших, позиций. Хаммаршельд почувствовал, что перед ним собеседник, хотя бы читавший книгу, и с интересом втянулся в литературный диспут. Хрущеву стало скучно. Разговор как бы уже его не касался. Он к этому не привык. Никита Сергеевич оборвал Лебедева:

— Хватит. Не для этого разговора сюда приехал Генеральный секретарь.

Вот о какой встрече вспомнил Хрущев, упрекая Хаммаршельда с трибуны ООН. Кто знает, может быть, именно та встреча и породила у Никиты Сергеевича идею о трех генеральных секретарях. Чтобы хоть один из них придерживался наших взглядов.

Кстати, тогда, в зале заседаний ООН, Хаммаршельд на нашего лидера не обиделся. Когда Хрущев вернулся с трибуны на свое место, он подошел к нему. Хрущев как ни в чем не бывало сказал:

— Ну, господин Хаммаршельд, не обижайтесь. Знаете, чего не наговоришь в пылу полемики! Приезжайте к нам еще, я вас снова на лодке покатаю.

Хаммаршельд ответил, что как раз потому и подошел, что хотел еще раз поблагодарить за ту прогулку...

Но Хрущеву больше не довелось покатать Хаммаршельда на лодке. Через год Генеральный секретарь ООН погиб в авиационной катастрофе, которая произошла над территорией раздираемого внутренним военным конфликтом Конго, куда он направлялся с миссией мира.

Путь к Вене

После сорванной встречи в Париже и отмены официального визита Эйзенхауэра в Советский Союз отношения между нашей страной и США оказались практически замороженными. Контакты на высоком уровне прекратились.

1960-й был годом високосным. А как известно, каждый ноябрь високосного года в США проходят очередные президентские выборы. Уже во время пребывания Хрущева в Нью-Йорке предвыборная кампания набирала темп. На телевизионных экранах шли дебаты между основными кандидатами — тогдашним вице-президентом Ричардом Никсоном и молодым, почти никому не известным в Советском Союзе, сенатором Джоном Кеннеди.

Одну из таких телепередач я смотрел в гостинице, с удовольствием затягиваясь сигаретой. Надо сказать, что до этой поездки я примерно на полтора года бросил курить. Причем довольно легко: заболел сильно гриппом, недомогал долго и курить просто не хотелось. А в Нью-Йорке опять закурил. Приехал без сигарет, а уехал с несколькими блоками «Мальборо». Да еще Фидель Кастро после встречи с Хрущевым в Нью-Йорке подарил нашей делегации несколько коробок сигар. И все мои коллеги дымили этими сигарами.

Теледебаты увлекли меня. Никсона я к тому моменту уже знал лично — общался с ним в 1959 году на открытии нашей выставки в Нью-Йорке. Кеннеди же я практически не знал, смутно помнил по его короткому общению с Хрущевым, опять же в 1959-м, когда советская делегация приезжала на встречу с членами сенатского Комитета по международным делам. Сенатор и наш лидер обменялись тогда буквально несколькими словами. А вот во время теледебатов я хорошо рассмотрел Кеннеди, и он мне очень понравился. Молодой, симпатичный, говорил не только грамотно, но и убедительно.

Никсона наши не любили из-за его активного антикоммунизма. Собственно, на этом он и сделал себе карьеру. Кеннеди пользовался большим расположением советского руководства. Хотя для наших он был непростительно молод, около сорока пяти лет от роду. Для почти семидесятилетнего Хрущева — просто пацан.

Выборы состоялись, и победил на них, правда с незначительным перевесом, Джон Кеннеди. И после выборов, и после инаугурации ему от имени Хрущева были посланы поздравления.

Кеннеди решил, что надо, не особенно затягивая, встретиться с лидером коммунистической державы. Познакомиться с ним, поговорить. Хрущев в данном случае придерживался своей обычной линии: встречаться обязательно лицом к лицу. В предстоящих беседах с новым президентом США он предполагал убедить его в своем миролюбии, конструктивном подходе ко многим вопросам и, может быть, даже уговорить принять наши некоторые внешнеполитические предложения. После подготовительных переговоров было условлено, что встреча состоится 3–4 июня 1961 года в Вене, то есть на нейтральной территории.

Из мемуаров ближайших сподвижников Кеннеди известно, что президент США перед встречей с Хрущевым прочитал огромное количество речей и выступлений нашего лидера, отчеты о его встречах с Эйзенхауэром и вообще изучил все, что касалось Хрущева, его образа жизни, методов ведения переговоров и так далее. В свою очередь, много справочной литературы штудировалось и в Москве — Хрущев тоже готовился к встрече основательно. Вместе с тем, несмотря на такую тщательную подготовку, встреча двух лидеров мыслилась как встреча-знакомство. Не предполагалось ни подписания соглашений, ни публикации объемистых заключительных коммюнике.

Хрущев отправился в Вену поездом. Наверное, он решил за два дня пути, вдали от повседневной кремлевской суеты еще раз обдумать важную встречу. Я же вместе с большой группой советников и экспертов прибыл в Вену несколькими днями ранее.

Помню, мне и моему коллеге-переводчику выделили машину. Водителем оказался молодой австрийский студент. Он таким образом подрабатывал во время каникул. За те два дня, что мы ждали Хрущева, он показал нам свой прекрасный город. Он же и привез нас на вокзал к поезду, в котором прибыл Хрущев.

Никиту Сергеевича встречали представители австрийского правительства, сотрудники нашего посольства и других советских учреждений в Вене. В то время пост постоянного представителя СССР при Международном агентстве по атомной энергии в Вене занимал Вячеслав Михайлович Молотов, сподвижник Ленина

и Сталина, изгнанный Хрущевым из ЦК и отправленный с глаз долой сначала послом в Монголию, а потом в Вену.

Я с интересом наблюдал, как он прошел по перрону и занял свое место в шеренге людей, которые должны были приветствовать Хрущева. С ним была его жена.

И вот прибыл поезд. Привычный ритуал встречи: хозяева страны приветствуют высокого гостя. Хрущев проходит мимо встречающих, поравнялся с Молотовым. Лицо Никиты Сергеевича расплылось в широкой улыбке, он тепло пожал руку Молотову и сказал:

— А-а, Вячеслав Михайлович, здравствуйте, я вас очень рад видеть.

Полагаю, это была их первая встреча после 1957 года, когда «антипартийную группу» изгнали из ЦК. Внешне встреча эта выглядела вполне дружеской.

Кортеж машин покинул вокзальную площадь. Водитель-студент ждал меня, я шел не спеша через большой, с высоким потолком вокзал к выходу. Впереди медленно, старческой походкой семенил Молотов со своей женой, седой благообразной худенькой старушкой.

Встреча с Кеннеди

Первая встреча между Хрущевым и Кеннеди состоялась в американском посольстве. С самого начала была достигнута договоренность, если не ошибаюсь, по инициативе Хрущева, чтобы переговоры велись с глазу на глаз, только в присутствии переводчиков. Так оно и было.

У Кеннеди после полученного им во время войны ранения болела спина. Поэтому у него в кабинете в Белом доме в течение всего срока пребывания его там стояло знаменитое кресло-качалка с прямой жесткой спинкой. Здесь ему тоже поставили кресло с похожей спинкой. Хрущев сидел примерно в таком же кресле, а между ними стоял низкий столик.

Не буду пересказывать весь ход переговоров. Их основные темы — положение в Лаосе, где тогда шла гражданская война²¹, и проблема ядерных испытаний. Обе стороны признавали, что и войну, и испытания надо прекратить. Но при обсуждении встал вопрос об инспекции и проверке. При слове «инспекция» наших всегда просто оторопь брала. Допустить кого-то в засекреченные районы, а тем более на военные базы? Да еще иностранцев, врагов, шпионов?!

Однако беседа началась издали: с разговора о семьях, детях. В ходе него Хрущев задал вопрос:

— Господин президент, а сколько вам лет?

Кеннеди ответил. Хрущев сказал:

— Да, моему сыну сейчас было бы столько же или даже больше.

Потом многие утверждали, что таким образом Хрущев уже в первой беседе хотел этими словами поставить на место «мальчишку». Он, дескать, задал Кеннеди такой вопрос и затем сравнил его со своим сыном Леонидом, летчиком, погибшим во время войны, для того, чтобы подчеркнуть молодость президента.

Могу сказать, как единственный свидетель, который не только слышал вопрос Хрущева, но и видел выражение его лица в тот момент: это не так. Я убежден, что Хрущев вложил в свои слова совершенно иной смысл. Я видел неизбывную грусть в его глазах, слышал тон его голоса и поэтому могу утверждать, что никакой попытки унижить Кеннеди у Хрущева не было. Он как бы на секунду отвлекся от официального момента, вспомнил сына, потому и вырвались у него такие «непротокольные» слова. И на лице Кеннеди было полное понимание.

Потом они стали вспоминать о своей мимолетной встрече в 1959 году. Кеннеди сказал:

— С тех пор я, кажется, постарел.

Хрущев улыбнулся и ответил:

— Так всегда бывает, молодой человек хочет казаться постарше, вроде как и помудрее, ну а человеку пожилому всегда хочется выглядеть помоложе. У меня то же самое было, когда я был юношей.

В таком ключе шла у них беседа.

Все перипетии тех переговоров изложены довольно подробно в мемуарной и политической литературе. Я же излагаю собственные впечатления. Хрущев напирал на необходимость встреч на высшем уровне, выдвигал свой любимый тезис: «Если *мы* с вами не договоримся, то как можно ожидать, что договорятся наши подчиненные». Как я уже отмечал, это был конек Хрущева. Он вообще был импульсивным человеком, говорил ярко, искренно, иногда пускался в длинные рассуждения. Кеннеди выглядел на фоне Хрущева более четким, корректным.

Спустя некоторое время шеф американского протокола напомнил, что наступает обеденный перерыв. Это был не просто обеденный перерыв, а один из запланированных официальных завтраков. В первый день — от имени президента США, в приемном зале американского посольства.

Объявили перерыв. Все перешли в соседний зал, где был накрыт стол. Там уже находились остальные участники переговоров с обеих сторон. Вначале, как это принято в американских домах, всех угостили коктейлями. Потом гости сели за стол. После завтра-

ка — небольшой перерыв, и снова приступили к официальному разговору. Он продолжался еще часа два-три.

Хрущев все то время, что я его знал, не курил, а Кеннеди, как известно, любил выкурить сигару после обеда. Прошло часа два после перерыва, смотрю, Кеннеди начал ерзать в своем специальном кресле. Я знал, что у него периодически болит спина. Надо сказать, что в один из перерывов мы с Александром Акаловским, американским переводчиком Кеннеди, как люди курящие, договорились — если уж будет неважно, то закурим и в присутствии лидеров. Хрущев никогда не возражал, если рядом с ним курили. Пепельница на столе была, и в начале беседы мы с Акаловским выложили на стол свои пачки сигарет, но к самим сигаретам не притрагивались. Вдруг Кеннеди, обратившись к Акаловскому, попросил у него сигарету. Затем спросил Хрущева, не возражает ли тот, если он закурит. Никита Сергеевич, естественно, не был против. Тут мы с Александром тоже взяли по сигарете и закурили. Потом Кеннеди еще несколько раз стрелял сигареты у Акаловского.

Таким был первый день переговоров. Диалог лидеров был ровным, уважительным. Говорили о праве народов на самоопределение, о колониальной политике. К чести Хрущева скажу, что он держался дружелюбно. Подробно, как всегда, разъяснял Кеннеди свою точку зрения: так же как феодализм неизбежно заменил собой рабовладельческий строй, благодаря незыблемым законам общественного развития, а капитализм пришел на смену феодализму, так и социализм придет на смену капитализму. Кеннеди возражал, говорил о свободе выбора.

— А что если, к примеру, в Польше, — спросил он, — в результате свободных выборов к власти придет какая-то другая партия, а не ПОРП²²?

Хрущев в ответ доказывал, что такого никогда быть не может. Теодор Соренсен, ближайший помощник Кеннеди, в своих мемуарах пишет, как велико было искушение президента возразить Хрущеву, приведя в качестве примера события в Венгрии, но он все-таки решил этого не делать.

Вечером, гуляя по саду вокруг резиденции советского посла в сопровождении своих помощников, Хрущев начал пересказывать содержание беседы с Кеннеди, делиться впечатлениями. В какой-то момент он обратился ко мне:

— Я понимаю, если ты сейчас будешь делать запись; то завтра на переговорах просто заснешь. Так что сделаешь ее по возвращении в Москву.

Наконец Хрущев закончил свой рассказ, и я с недоумением услышал его итоговое мнение о Кеннеди. Он сказал:

— Да, если сейчас у американцев такой президент, то мне жаль американский народ.

Я с этим согласиться, конечно, не мог. К тому времени я успел поучаствовать во многих переговорах и повидал немало государственных деятелей. Кеннеди произвел на меня очень хорошее впечатление, хотя я обратил внимание на то, что при встрече с Хрущевым он был несколько напряжен. Может быть, он чувствовал, что находится в обществе человека значительно более опытного. Но я ни разу не заметил, чтобы Кеннеди не мог сразу найти достойный ответ на то или иное высказывание Хрущева. В общем, мне показалось, что американский народ вовсе не вызывает жалости в связи со сделанным им выбором.

Отличительной чертой Джона Кеннеди я бы назвал его несравненное обаяние. В нем всегда чувствовалось отменное воспитание. В США не любят слова «аристократ». Там есть старые, славные семьи, которые, переехав в Новый Свет, и сделали из Америки то, чем она стала. Кеннеди — отпрыск одной из таких семей. Даже его одежда отличалась особым стилем — он носил однобортные пиджаки на двух пуговицах и, не следуя тенденциям классической моды, застегивал их на обе. Из-за ранения, часто его беспокоившего, он немного сутулился, и пиджак на нем слегка обвисал, но это придавало ему какую-то особую элегантность. Раскованная манера держаться также шла Кеннеди.

Недели через две Громыко выступил в МИДе на так называемом партактиве. Андрей Андреевич рассказывал о встрече Хрущева и Кеннеди в Вене. Говорил довольно долго. Приведу лишь одну его фразу:

— Словом, если попытаться образно выразиться, то это была встреча гиганта и пигмея.

Думаю, мне не надо уточнять, кто подразумевался под гигантом, а кто под пигмеем. Мне, честно говоря, было очень стыдно за такие слова своего шефа. Но, к сожалению, он так сказал... Громыко выражал мнение самого Хрущева. Потом эта оценка изменилась. Но тогда, увы...

На следующий день лидеры встретились уже в здании советского посольства. Опять беседы, потом ланч. Хрущев тогда привез в Вену все, чем только может гордиться русская кухня.

Во время переговоров самым трудным оказалось обсуждение германской проблемы. Хрущев жестко говорил о том, что до конца года он подпишет мирный договор с ГДР. Это означало, что ГДР станет полноправной хозяйкой Восточного Берлина и, соответственно, границ вокруг Западного Берлина, который, согласно решениям Ялтинской и Потсдамской конференций, имел особый

статус. Кеннеди ни на йоту не отступал от мнения, что такой ход со стороны Советского Союза противоречит всем послевоенным договоренностям и может привести только к серьезнейшему обострению отношений. Но никакие аргументы на Хрущева не действовали. Когда обоим стало окончательно ясно, что каждый остается при своем мнении, было решено завершить встречу. Не прощались, потому что вечером предстоял большой государственный обед от имени президента Австрии. Хрущев еще раз повторил, что намерен до конца года заключить мирный договор с ГДР. Кеннеди, уже стоявший в дверях, грустно улыбнувшись, пожал плечами и сказал:

— Ну что ж, видимо, будет холодная зима...

На этом переговоры закончились.

Вечером два лидера встретились на обеде и концерте. Оба были воплощением доброжелательности по отношению друг к другу. Хрущев оживленно рассказывал Жаклин Кеннеди, которая сидела рядом с ним, о наших собачках, Белке и Стрелке, побывавших в космосе. Сообщил ей, что у одной из них появилось потомство. И пообещал Жаклин подарить щенка.

Забегая вперед, скажу, что, когда я вернулся в Москву, мне напомнили об этом обещании. Я сидел в кабинете, диктовал запись переговоров, вдруг меня вызвали к телефону. Звонил председатель КГБ. Естественно, волнуясь, я взял трубку. Это был Семичастный. Он строго спросил:

— Что, действительно Хрущев что-то обещал насчет собак?

Я подтвердил, что это так — Хрущев обещал подарить Жаклин Кеннеди щенка.

— Спасибо, — сухо сказал чекист и положил трубку.

В итоге Жаклин получила щенка по имени Пушинка.

Попрощались Хрущев с Кеннеди очень любезно. И мы улетели в Москву.

Вернувшись, я сразу засел за диктовку своих записей. Это заняло у меня целые сутки. Громыко поручил заведующему отделом США Добрынину, будущему послу СССР в США, сразу же, по мере готовности, просматривать машинописные листы и править возможные шероховатости. Потом текст поступал Громыко, а далее — напрямую Хрущеву. Надиктовал я тогда сто двадцать машинописных страниц.

На следующий год, встретив своего американского коллегу Александра Акаловского, я спросил у него: а он сколько тогда надиктовал страниц? Тот ответил, что не меньше ста двадцати пяти. Я заинтересовался, почему у него получилось больше, чем у меня. Он объяснил:

— Помнишь, ты отлучился в туалет, когда они по саду гуляли? Так вот, они в это время кое о чем поговорили — о цветах, о газоне... Я поначалу и записывать не стал. А потом позвонил помощник Кеннеди и спросил, о чем они беседовали. Я сказал: да ни о чем. А он заявил, что они «ни о чем» беседовать не могут. Пришлось мне сделать дословную запись. Поэтому у меня получилось на пять страниц больше. <...>

Снова в Дели

Покинув Непал, мы вернулись в Индию. Визит «троицы» продолжался. Ворошилов по-прежнему радовался почестям, оказываемым ему индийцами, а Фурцева и Козлов негодовали по этому же поводу.

В последний день визита в нашем посольстве состоялся большой прием. И здесь меня ждал сюрприз: посол сообщил, что из Москвы пришла телеграмма с указанием о том, что я и Бурдин должны задержаться в Дели и дождаться приезда Хрущева, визит которого в Индию должен был начаться через неделю²³. А затем намечались его визиты в Бирму и Индонезию. Я, как всегда, должен был переводить, а Бурдин налаживать контакты со службами безопасности.

Нам вообще-то повезло — выпала передышка. За неделю мы решили спокойно осмотреть достопримечательности города.

Индийцы сказали, что с этого момента они начинают рассматривать нас как передовую группу по подготовке визита Хрущева, и предложили нам выбрать место проживания: остаться в президентском дворце Раштрапати Бхаван или переехать в Хайдерабад-хаус, гостевой особняк на улице Радж Патх («Путь короля»), принадлежавший в свое время магарадже Хайдерабаду, бежавшему после раздела Индии в Пакистан. Именно в этом особняке останавливались приезжающие в Индию высокие гости из СССР, например маршал Жуков, когда был министром обороны.

Оставаться в президентском дворце нам не очень хотелось. Там все было обставлено торжественно и официально, везде сновали слуги, а у каждой двери, словно изваяния, стояли двухметровые гвардейцы-сикхи, одетые в ярко-красные камзолы с золотым шитьем. Их раздвоенные бороды были заправлены под тюрбаны. В руках они держали пики. Мы чувствовали себя как на съемках фильма «Индийская гробница»²⁴. Красота красотой, но нам хотелось по возможности избежать всех этих церемоний, и мы с Бурдиным переехали в Хайдерабад-хаус.

Эти дни в Дели надолго запомнились. По первой просьбе мне давали машину, и я ехал куда хотел. Ходил по музеям, храмам,

старинным дворцам. Но самое большое впечатление на меня произвел древний, разрушенный «Город обезьян». Когда-то на этом месте был настоящий город, но люди ушли, здания постепенно разрушились, и в них поселились обезьяны.

Нас замечательно кормили. Повар даже в один из дней сделал нам сюрприз: приготовил борщ, пельмени и котлеты по-киевски. Все это устроил комендант Хайдерабад-хауса — полуиндиец-полупортугалец, веселый, открытый человек. Он предложил также пригласить на ужин кого-нибудь из наших коллег. Этому совету мы с удовольствием последовали и провели прекрасный вечер в обществе двух девушек из советского посольства.

Потом приехал Хрущев, и началась работа. Переговоры, встречи, беседы. Надо сказать, несмотря на то что между Индией и СССР существовали дружественные отношения, переговоры все же иногда усложнялись: индийцы, обращаясь к нам с просьбами о помощи, обычно просили больше, зная, что их просьбы не будут удовлетворены на все сто процентов. Это, повторяю, затрудняло переговоры, но в конце концов все утрясалось.

Затем мы отправились в Бирму, где пробыли дня три. Во главе переходного правительства этого государства тогда стоял генерал Не Вин, которому в 1958 году передал власть премьер-министр У Ну. Будучи в 1955 году с визитом в СССР, У Ну получил у нас прозвище Белая Головка — он везде появлялся в национальной бирманской одежде и своеобразной белой шапочке со свисающим с одной стороны округлым хвостиком. Очень она походила на водочную «бескозырку». Забегая вперед, скажу, что в апреле 1960-го, уже после отъезда Хрущева из Бирмы, У Ну выиграл парламентские выборы, вновь став премьер-министром страны, правда всего на два года.

Особенно важные переговоры в Бирме переводил О. Трояновский, а во время посещения храмов, музеев, на банкетах работал я.

Пока мы дожидались выхода Не Вина и Хрущева из комнаты, где они вели переговоры с глазу на глаз, жена генерала, очень симпатичная бирманка, получившая образование в Соединенных Штатах, принимала нас в большой гостиной своего дома, пела американские песенки. Словом, как добрая гостеприимная домохозяйка всячески старалась нас развлечь.

Печальная история

После Бирмы мы отправились в Индонезию. Президент Сукарно был хорошо у нас известен: в Москве он бывал не раз. И вот настала очередь Хрущева побывать в гостях у Сукарно. По нынешним време-

нам тот визит был очень долгим: мы пробыли в Индонезии почти две недели. После посещения ряда городов поехали на остров Бали, где Хрущеву вместе с его многочисленной семьей был предложен отдых.

Поскольку переговоры велись на индонезийском языке, работы у меня оказалось мало. В основном я переводил на пресс-конференции Никиты Сергеевича.

В самом начале визита в Индонезию произошло одно неприятное событие. Все шло вполне дружелюбно и гладко. Сукарно каждый вечер обязательно завершал концертом, на котором выступали лучшие певцы, музыканты и танцоры. Исполнялось много красивых, колоритных, но, как нам казалось, чересчур затянутых номеров. Сукарно же их обожал.

И вот после ужина все собрались в зале. Было жарковато, но терпимо. Я обратил внимание, что наш посол в Индонезии просто изнемогает: обливается потом, с лица не сходит болезненное выражение. Да и сидел он почему-то вдали от Громыко, своего непосредственного начальника. Только утром я узнал, в чем дело. Оказывается, накануне личные врачи Хрущева, осмотрев посла, выяснили, что он — в тяжелой форме алкоголик, страдающий белой горячкой. Посол периодически находился в состоянии запоя, но в Москву об этом не сообщали, даже соответствующие службы, которые должны были это сделать. Проявляли, так сказать, жалость, и эта жалость чуть не стоила человеку жизни. Надо сказать, посол был высокопрофессиональным, опытным дипломатом. И печально, что он так закончил карьеру.

На следующее утро одним из наших спецсамолетов, а их с Хрущевым прибыло несколько, посла отправили в Москву. Разумеется, в Индонезию он больше не вернулся, а на его место назначили министра культуры Н. А. Михайлова, который, кстати, сопровождал Хрущева в той поездке.

Я думаю, что посол стал алкоголиком не вследствие моральных изъязнов или плохой наследственности. Дело в том, что в таких странах, как Индонезия, европейцам приходится постоянно употреблять спиртное, если они не хотят подхватить желудочную болезнь. Естественно, не любой организм и не всякая психика выдерживают подобную нагрузку.

Сюрпризы Сукарно

Сукарно повсюду сопровождал Хрущева. И во всех городах, которые мы посещали, президент по вечерам устраивал концерты национальной музыки. После этих концертов начинались танцы. Сукарно выступал заводилой, заставлял присутствующих местных

женщин приглашать на танец советских мужчин, с большим удовольствием танцевал сам. Все это продолжалось допоздна. Первым такого марафона не выдержал Хрущев. Он попросил Сукарно на него не обижаться, если он станет уходить пораньше. Но при этом Хрущев пообещал, что его окружение будет оставаться до конца и принимать активное участие в танцах. Громыко продержался еще два дня и тоже стал уходить раньше. Ну а всем остальным приходилось допоздна танцевать под предводительством неугомонного Сукарно.

Поездка в Индонезию отличалась еще и тем, что Хрущев вел там переговоры спокойно, умиротворенно, не сравнить с Америкой, где он то и дело рвался в бой. В общем, полемизировать ему не приходилось.

Советский Союз оказывал помощь Индонезии в строительстве разных социальных объектов, в частности грандиозного столичного стадиона. Сукарно мечтал провести на нем Всеазиатские игры. Во время визита Хрущева состоялась церемония забивки первой сваи в основание будущего стадиона. На краю котлована собралось много народу. А внизу, под ногами, зияла яма с водой на дне. В нужный момент Хрущев и Сукарно дернули за веревочку, и заработала сваезабивающая установка. Большой тяжелый молот бухнул по свае, та врезалась в грязь на дне котлована, подняв фонтан брызг. Многих гостей основательно обдало грязью, но до Хрущева и Сукарно брызги не долетели. Лицо Сукарно выражало полный восторг. Мне даже показалось, что он специально устроил такой «сюрприз».

Кроме того, запомнилась церемония закладки на острове Амбон нового здания для местного университета, которое СССР подрядился возвести. Хрущев на Амбон не полетел, направив туда часть делегации, в том числе и меня. Возглавил нашу группу министр культуры Михайлов.

Амбон расположен в восточной части Индонезийского архипелага. Географически он ближе к тихоокеанским островам, а по культуре — к Таити и Гавайям. Например, здесь тоже играют на гитарах, музыка и танцы напоминают гавайские.

Сразу после приземления нас окружила толпа красиво одетых парней и девушек, которые начали петь и танцевать, увлекая нашу группу за собой. Нам на шею повесили гирлянды цветов, взяли под руки и повели к машинам. Привезли в порт, посадили на большой катер, и мы по воде через полчасца прибыли на другой конец острова — Амбон имеет форму подковы.

Прибыли мы утром и целый день провели за развлечениями, танцевали. Так же прошла первая половина следующего дня.

Затем состоялась церемония закладки корпуса университета. Потом вновь начались танцы. Юные красавицы не давали нам ни минуты отдыха. Одни убегали, но их тут же подменяли другие. Оказывается, чтобы все студентки успели пообщаться с нами, им установили специальный график. Забавно было наблюдать, как во время танца девушка вдруг смотрела на часы и убегала, а ее место сразу же занимала другая. Я лично с красотками натапцевался на всю жизнь. Наутро, едва открыв глаза, мы увидели, что девушки уже прогуливаются под нашими окнами, и все началось сначала. Только вечером мы улетели оттуда и присоединились на острове Бали к советской делегации, возглавляемой Хрущевым.

Бали, конечно, сказочный остров. Он славится своей природой и умопомрачительными красавицами, которые до сравнительно недавнего времени ходили с обнаженной грудью. Другой предмет гордости балинезийцев — замечательные резные статуэтки, изображающие удивительно изящных женщин с поднятыми вверх сложенными ладонями. Резчики там изготавливают и другие фигурки, но славу они заслужили именно этими. Помню, как-то раз вместе с Романом Карменом, входящим в состав делегации и снимавшим документальный фильм о визите Хрущева в Индонезию²⁵, мы отправились на улицу, где продавались создаваемые тут же, на глазах у покупателей, знаменитые статуэтки. Мы долго ходили, выбирая, а потом вдруг наши взгляды остановились на одной из них. Она была около полутора метров в высоту, из светлого дерева. Почти одновременно мы протянули к ней руки, но я опередил Романа Лазаревича. После этого Кармен, всякий раз встречаясь со мной, неизменно вспоминал, как я у него из-под носа увел «балинезийку».

Лекарство не для всех

На обратном пути мы совершили промежуточную посадку в Бомбее. Там я неожиданно неважно себя почувствовал. До этого я всегда удивлял всех наших своим «луженым» желудком, с завидной легкостью усваивавшим национальные индийские и другие экзотические блюда, обильно приправленные перцем и разными специями. Острыми были все блюда без исключения, начиная с омлета и заканчивая сладостями, от которых тут же начинался пожар во рту. Удивлять-то удивлял, но, как говорится, до поры до времени.

Это случилось на заключительном банкете, когда я переводил Хрущева. В какой-то момент я вдруг почувствовал, что надо немедленно все бросать и бежать в свою комнату. Написал записку Олегу Трояновскому и передал ее с официантом. Хорошо, что

Трояновский оказался на месте и быстро прислал другого переводчика. Я умчался в номер. Через некоторое время ко мне пришли профессор А. Марков, на тот период начальник Четвертого Главного управления при Минздраве СССР, и личный врач Хрущева. Осмотрели, дали таблетки, и вскоре все прошло.

За все годы моей многолетней работы, многочисленные поездки такое случилось со мной в первый и в последний раз. А избегал я отравлений очень простым и надежным способом, подсказанным мне врачами из Четвертого Главного управления при Минздраве СССР, сопровождавшими советских лидеров. Они объяснили, что в азиатских странах можно пить только бутилированную минеральную воду, потому что там на кухнях не только самых элитных гостиниц, но даже и президентских резиденций недостаточно, мягко говоря, соблюдаются нормы гигиены (лед, например, обычно делается из сырой воды). Кроме того, хочешь не хочешь, но перед завтраком, обедом, ужином и обязательно перед сном нужно выпивать хоть немного водки или виски. У меня не было оснований не доверять врачам такого класса, и я следовал их совету. Благодаря чему уберегся от болезней, подстерегающих европейцев в этих странах. Случай, произошедший со мной в Бомбее, — исключение. <...>

Друг и соратник

У вождей, как правило, редко бывают преданные до конца жизни друзья. Хрущеву в этом смысле повезло. Таким другом и соратником был для него Анастас Иванович Микоян. Я не раз присутствовал при их беседах — доверительных, серьезных, иногда сдобренных шуткой. Это всегда был разговор на равных. Хрущев с Микояном был предельно откровенен, принимал его возражения. В споре Анастас Иванович никогда резко не возражал оппоненту, но и позиций своих не сдавал. Несомненно, природная восточная хитрость помогала ему в многотрудной политической карьере. На приемах интересно было порой наблюдать, как после рюмки-другой коньяка Хрущев с Микояном начинали демонстративно пикироваться: Никита Сергеевич — с присущим ему грубоватым чувством юмора, Микоян — остроумно и лаконично. Так подтрунивать друг над другом, как они, могли лишь два близких человека.

Известно, что Анастас Иванович Микоян говорил с сильным армянским акцентом. Но мне запомнились еще два его «акцента». Я имею в виду манеру Микояна решать политические вопросы и его поведение в чисто житейских ситуациях. Но об этом ниже.

С Микояном мне приходилось встречаться довольно часто. В основном на переговорах в Москве, на приемах иностранных послов, официальных обедах и так далее.

Дипломатический ход Хрущева

В начале 1959 года с официальным визитом в СССР прибыл премьер-министр Великобритании Гарольд Макмиллан. Этому визиту придавалось особое значение.

Переговоры вел сам Хрущев. Но принимал в них участие и Микоян, тогда один из первых заместителей Председателя Совета Министров.

Первое, что бросилось в глаза, когда Макмиллан спускался по трапу, — его довольно странный головной убор. Высокая белая меховая шапка сильно смахивала на махновскую папаху времен Гражданской войны. Только надета она была как бы углом вперед. Эта папаха привлекла внимание журналистов. На следующий день многие западные газеты упомянули о ней в своих статьях, освещающих приезд Макмиллана в Москву.

Тогда существовал такой порядок: на аэродроме высокого гостя встречает первое лицо государства. В данном случае это был Хрущев.

Встретились радушно, но потом, уже в Кремле, по какому-то вопросу не ладили. Кажется, по германской проблеме.

По программе после двух дней пребывания в столице Макмиллан должен был ехать в Киев, потом в Ленинград, а затем вернуться в Москву и продолжить переговоры. Я сопровождал Макмиллана. Чувствовалось, что он расстроен. Ему не хотелось расставаться с Хрущевым в состоянии конфронтации. Советско-британские отношения и без того не блистали взаимопониманием.

Из Киева полетели в Ленинград. И каково же было удивление Макмиллана, когда он увидел, что у трапа самолета его встречает Микоян. Надо сказать, такой высокий уровень встречи в Ленинграде программой не предусматривался. Макмиллан сразу понял, что это хороший признак, и повеселел.

Сели в машину. Микоян был приветлив, шутил. Потом мне стало известно — это Хрущев постарался. Чтобы завершить визит Макмиллана на благоприятной ноте, он сделал верный дипломатический ход — отправил в Ленинград Микояна.

Микоян, как никто другой, подходил для подобного мероприятия. И не только потому, что являлся близким соратником Хрущева, — Анастас Иванович обладал незаурядными дипломатическими способностями и талантом общения.

Поездка в Ленинград пришлась на день выборов в Верховный Совет²⁶.

Микоян решил пойти и проголосовать. Открепительного талона у него, конечно, не было, но это его не смутило. Желание руководителя такого ранга — почти закон.

Ленинградские хозяева связались с сотрудниками одного из центральных избирательных участков и сказали, что к ним едет голосовать Микоян.

Анастас Иванович предложил Макмиллану поехать вместе с ним, посмотреть, как работает советская демократия. Тот охотно согласился.

Избирательный пункт находился где-то на Невском проспекте. Все вокруг оцепили. Прохожих удалили. Макмиллан и Микоян вышли из машины и направились к дверям, украшенным лозунгами и флагами. И тут я чувствую, что кто-то тронул меня за плечо. Это был охранник. Он протянул мне паспорт Микояна. Ведь надо было его фамилию внести в список голосующих.

Микоян подошел к столу. Я отдал ему паспорт. Он раскрыл его и передал женщине, которая регистрировала тех, кто голосовал по открепительным талонам. Женщина в растерянности пробормотала:

— Анастас Иванович, зачем же паспорт? Я вас и так знаю...

Микоян возразил:

— Нет, нет, возьмите, вы должны все записать как положено.

Женщина, волнуясь, внесла его фамилию в список, выдала бюллетени. Макмиллан заинтересовался этими листками и спросил у меня:

— А там что, всего по одному кандидату?

— Да, конечно, — отвечаю я с «удивленным» видом: а как же, мол, может быть иначе?

Так премьер-министр Великобритании приобщился к истинной советской демократии.

Вечером он сказал Микояну, что в эти дни много думал о встречах с Хрущевым и надеется на то, что они оба, Макмиллан и Никита Сергеевич, придут к какому-то компромиссу, который хотя бы позволит продолжить переговоры и завершить их на позитивной ноте. Анастас Иванович в деталях обсудил с ним этот вопрос. И сразу же после данного разговора послал по закрытым каналам короткое сообщение в Москву, а мне дал указание как можно быстрее сделать подробную запись их беседы.

Едва мы прибыли в Москву, Микоян сразу же направился в Кремль, захватив меня с собой. Вызвал секретаря-машинистку, и я тут же стал диктовать содержание беседы, состоявшейся

в Ленинграде. Анастас Иванович ждал, пока я сделаю запись, позвонил по «вертушке» и предупредил Хрущева, что идет к нему. А мне сказал:

— Ты тоже пойдешь со мной, потому что присутствовал при беседе.

Вошли. В кабинете — Хрущев, его помощник Лебедев и, кажется, начальник секретариата Шуйский. Хрущев взглянул на нас и засмеялся:

— Анастас, а что, Суходрев пришел тебя переводить?

Шутка была не без подковырки, учитывая микояновский акцент.

Хрущев прочитал мою запись. Микоян сделал к ней кое-какие пояснения. Хрущев спросил у меня:

— Все было так, как Анастас говорит?

Я, конечно же, подтвердил. <...>

Последние встречи

После освобождения Хрущева пленумом ЦК КПСС от всех государственных и партийных должностей он исчез из моего поля зрения. Я знал, что его заставили выехать из дома на Ленинских горах, где он жил, и перебраться на государственную дачу в районе села Петрово-Дальнее. Там располагался целый поселок дач, принадлежавших Совмину.

Новый, 1965 год сын Хрущева, Сергей, предложил мне встретиться вместе. Собралась вся большая семья Хрущевых — Сергей с женой, Юля и Рада с мужьями, их дети, несколько близких друзей. Подъехали и Никита Сергеевич с Ниной Петровной. Когда часы пробили двенадцать, Никита Сергеевич произнес небольшую речь. Наверное, одну из своих последних. Он не давал никакой оценки тому, что произошло с ним, не говорил о политике. Он как бы вслух размышлял о принципах, которыми руководствовался в течение жизни. О том, что всегда стремился выступать не по писаному, вспомнил, что еще Петр Первый требовал от бояр, чтобы они излагали свои мысли не по бумажке, «дабы дурь каждого видна была». Он был открыт, напорист и искренен. В общем, я увидел того самого Хрущева, которого знал много лет.

Весной того же года, в его день рождения, я все-таки решился позвонить ему на дачу. Время было вечернее. Он, наверное, сидел за праздничным столом. К телефону подошла его младшая дочь Лена. Я передал через нее привет и поздравления с днем рождения Никите Сергеевичу. Потом Алексей Аджубей, муж Рады, писал в своей книге, что мой звонок был одним из немногих в тот день.

Вторая моя встреча с Хрущевым после его отставки произошла случайно. Мы с приятелем в обеденный перерыв прогуливались по Арбату. Вдруг я увидел — из переулка выезжает большой черный «ЗиМ». На перекрестке машина остановилась, и на заднем сиденье я разглядел Никиту Сергеевича и Нину Петровну. Хрущев тоже меня увидел. Улыбнулся, потянулся к ручке двери, открыл. Я поздоровался. Он сказал, что им дали городскую квартиру в Староконюшенном переулке, а вообще он продолжает жить на даче. И добавил:

— Приезжайте к нам. Приезжайте.

И когда Юлия Хрущева через какое-то время позвонила мне и напомнила о приглашении отца, я поехал.

На большом общем участке дач Совмина была одна, окруженная забором. Там и доживал свой век Никита Сергеевич Хрущев.

Он очень тепло меня встретил. Сразу предложил пройтись. Мы довольно долго с ним гуляли, он показывал мне огород, где сам выращивал помидоры, картофель, другие овощи. Во время нашей прогулки за ним следовала его овчарка, Никита Сергеевич был явно к ней привязан. Говорил он о своих дачных проблемах, совсем не спрашивал о моей работе, внешнеполитических делах. Думаю, что все это его интересовало, но он не считал возможным меня об этом расспрашивать.

День закончился ужином, за которым он вел себя как хороший добрый хозяин, глава большой семьи.

Вот, собственно, и все. Больше я Хрущева не видел.

Спустя какое-то время меня в МИДе все-таки призвали к ответу. Не знаю почему, но вызвали к Леониду Митрофановичу Замятину, возглавлявшему тогда отдел печати. Мы с ним были в хороших отношениях, возможно, поэтому все и ограничилось дружеским разговором. Замятин сказал, что ему известно о моей поездке к Хрущеву и что мне этого делать не следовало. К счастью, других последствий не было. Но предостеречь меня от возможных дальнейших встреч с Хрущевым все-таки сочли необходимым.

На этом и закончилась одна эпоха моей жизни. И началась другая.

